

ЛЮБ

18+

СКАЗКИ
И
ИСТОРИИ

ОРАИ

Макс Фрай
Сказки и истории
Серия «Миры Макса Фрая»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181960
Сказки и истории: Амфора; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103569-3

Аннотация

Эта книга – самый первый сборник короткой прозы Макса Фрая. Кроме собственно сказок и историй, в нее вошли литературные игры, эссе, заметки, воспоминания, практические советы начинающим демиургам и настолько вопиющие непристойности, что впору ставить пометку о возрастном ограничении 300+. Но пока ее никто не догадался поставить, вполне можно успеть быстренько прочитать.

Содержание

Мифоложки	5
Неизвестные сказки некоторых народов	34
Сказка о купце, юноше и обезьяне	34
Почему люди всегда спят	40
Голодный шаман	43
Андриамбахуака и Занахари	46
Сказка о Марфе-старице и семерых Симеонах	51
Сага про Йона Упрямца и кита	54
Лисьи чары	61
Энциклопедия вымышленных непристойностей	65
Странные сказки	99
Сказка про Маленького Динозавра	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Макс Фрай

Сказки и истории

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Мифоложки

Оба шута: и Пьеро, весь в посеревшей за день пудре, в синяках от Арлекиновой палки, и сам Арлекин, чей рот переложен от каждодневных гримас, ладони цветут экземой, а кровь отравлена собственным сарказмом, – возносят по вечерам благодарственную молитву.

– Господи! – говорят они тайным дуэтом (каждый у себя, наедине с собою и сам за себя, но одновременно). – Спасибо тебе, Господи, – твердят они, – что не сотворил меня дурой Коломбиной, у которой нет иной печали, кроме как сделать наконец выбор между двумя никчемными шутами, Пьеро и Арлекином.

* * *

Орфей, совершив невозможное, спустившись живым в Аид, обнаруживает там Эвридику, вполне довольную загробной жизнью. Она тут популярна, многие мертвые дамы набииваются ей в подружки, а мертвые мужчины мечтают стать ее бойфрендами. Она не спешит, выбирает. У нее уже неплохая работа, и обещают, что скоро будет лучше. По ночам она с компанией объезжает лучшие ночные клубы Аида, по утрам пьет черный подземный кофе и трескает клубнику со слив-

ками из ближайшего адского супермаркета. У нее, словом, все хорошо. И да. Она уже давно забыла, что это – загробный мир. Поначалу помнила, но вот, замоталась, закрутилась, клубнички покушала – и забыла. Так в мире мертвых почти всегда случается.

Ну и, ясен пень, когда Орфей объявляет: «Я сейчас уведу тебя в мир живых», – прекрасная Эвридика крутит пальцем у виска. «Псих ненормальный. Эскапист», – говорит.

И Орфей сидит как дурак на адской табуретке в подземной кухне своей мертвой возлюбленной, пьет кофе, песен не поет (соседи потому что за тонкой адской стеной), а потом встает и уходит – как дурак, опять же. А что делать?

Так разбиваются сердца.

* * *

Одиссей, движимый не то чувством долга, не то обычной сентиментальностью, наконец возвращается в Итаку. Ступив на берег, с тоскливым отвращением оглядывается по сторонам. Он и забыл, какая жухлая трава на этом побережье.

Дело не в том, что Итака такое уж паршивое место. Вовсе не паршивое. Просто того человека, который царствовал на этом островке и любил Пенелопу, давным-давно нет. А новый, возмужавший и умудренный странствиями-мытарствами, побывавший в подземном царстве, слышавший сирен и говоривший тет-а-тет с самой Афиной, понятия не имеет,

как и зачем можно жить в Итаке, каждый день ходить на службу, работать тутошним царем без выходных и праздников, без особых надежд на государственный переворот даже.

Под покровом ночи он пробирается в свой дворец, прикинувшись тенью умершего, называет Пенелопе имя наиболее достойного из женихов. Замирает на пороге комнаты сына, чешет в затылке, понимает: «Мне нечего ему сказать», – и возвращается в лодку, где его уже ждут хатифнатты.

У них есть Барометр.

* * *

...Буратино проводит ночь на дереве, повешенный вниз головой, связанный по рукам и ногам мнимыми разбойниками.

Алиса, Базилио – кто они на самом деле?

Хороший, очень хороший вопрос.

Трудно не предположить, что лиса родом из Поднебесной; возможно, демонстрируя всем желающим свой рыжий хвост, она скрывает под лохмотьями нищенки еще девятьсот девяносто девять.

Кот, вероятно, законный наследник древних египетских мистерий. В сущности, происхождение кота мало что меняет.

Черный пудель Артамон, снявший Буратино с Древа, отлично дополняет картину, и без того вполне зловещую.

Дальнейшие события вполне закономерны. Изучение грамоты (уж не Каббалы ли?) начинается с магического перевертыша *арозаупаланалапуазора*, и продолжается в темном подвале с пауками. Ясно, что дело вовсе не в провинности ученика, просто некоторые формулы нельзя заучивать при солнечном свете. Это, надеюсь, понятно.

Ритуальное захоронение монет ночью на пустыре, объявленном Полем Чудес, да еще и в Стране Дураков, под руководством все тех же Алисы и Базилио – расставание с имуществом во имя обещанного чуда. В тайных братствах такое практикуется. Только после этого становится возможна встреча с Черепахой и обретение Ключа.

Как во всякой хорошей истории о Пути, ключ приходит прежде знания о том, как им воспользоваться. Знание это приходится добывать самому, с трудом и риском, ибо тайной владеют враждебные жрецы: экстатический кукольник и дошный знахарь. С самого начала ясно, что Ключа им не видать, как своих ушей. Такова, увы, участь всех теоретиков.

Наконец знание о Ключе обретено. Как водится, оно обескураживает героя: оказывается, волшебная дверь в неизвестное была у него под носом с самого начала; путь за Ключом и знанием о Ключе уводил странника все дальше от Двери. Теперь пора возвращаться.

Финал известен всем, но полностью понятен лишь немногим посвященным в Мистерии Буратино. Дверь благополучно открыта; что за ней – иное измерение, иная жизнь, лишь на первый взгляд похожая на осуществление былых желаний?

Мы можем лишь предполагать, но и этого достаточно.

Историй, кажется, даже не четыре, а всего одна. История о долгом поиске Двери, которая с самого начала была совсем рядом, на расстоянии вытянутого носа. С точки зрения пристрастного (очень пристрастного) читателя, конечно.

Конечно.

* * *

Икар, вопреки слухам, не разбился, а был спасен небольшим отрядом крылатых дев, судя по говору, чужестранок. Их тронуло его щенячье мужество, насмешили искусственные крылья.

Одна из дев взяла Икара к себе жить; вскоре он привязался к спасительнице так, что прощал ей даже свое исковерканное имя: она почему-то не могла выговорить «Икар» и называла его Карлом – так ей было привычнее. Зато летать в объятиях возлюбленной оказалось куда комфортнее, чем при помощи громоздких крыльев отцовского производства.

Рядом с нею Карл (Икар) был совершенно уверен, что однажды долетит до солнца: не сегодня, так завтра. Или через год. Какая разница?

С Дедалом Икар (Карл) больше не встречался и даже не писал: знал, что отец начнет скандалить, до конца жизни будет упрекать за нарушение инструкции, а семейных сцен он терпеть не мог.

Зато с валькирией Скегуль они жили душа в душу; их союз не омрачило даже рождение сына, который вопреки тайным надеждам матери пошел в отцовскую породу: родился бескрылым. Все же она любила и баловала сынишку, хоть и стыдилась немного его «инвалидности».

Когда мальчик подрос, выяснилось, что он удался не столько даже в отца, сколько в деда: с утра до ночи возился с какими-то хитроумными механизмами. Изобретал летательный аппарат. Сперва это было невинной игрой, но с годами, когда сын крылатой девы и Карла-Икара окончательно повзрослел, стало настоящей страстью.

Взглянув на результат его многолетних трудов, мать пришла в ужас: накладные крылья мужа в свое время ее умилили, но это новое искусственное приспособление для полетов показалось ей кощунством, уродством и убожеством.

Устав спорить с матерью, сын ушел из дома, поселился в

крошечной мансарде, арендованной за смешные деньги, благо хозяин дома уже отчаялся найти жильца для этого «скворечника». Жил не тужил, был сам себе хозяин, спал до полудня, варил какао на маленькой плитке, много гулял, по вечерам всласть возился со своими железками. Чем не житье для мужчины в самом расцвете сил?

– С крыльями любой дурак летать может. А вот ты попробуй как я полетай, – добродушно ворчал сын Карла и валькирии, прилаживая моторчик к своему пропеллеру.

Он решил, что надо бы все-таки навестить родителей и заранее репетировал будущий спор с матерью.

* * *

Она с отвращением глядит на собственное отражение. Моргает спросонок, щурится близоруко, но и без того все очень хорошо видно. Слишком хорошо.

«Ужас, – думает. – Нет, ну действительно ужас! Мешки под глазами, хуже, чем у мамы. Побродок – да, я давно подзревала, что он двойной, но он же тройной на самом деле! Жирная стала свинья, тошно-то как! А цвет лица... Нет, это не цвет лица уже, это цвет мочи Химеры – в лучшем случае. Ничего удивительного: когда я в последний раз спала по-человечески? То-то же... А волосы, волосы как свалялись! Это

уже не просто космы, это же змеи натуральные. Того гляди зашипят...»

«Все бы ничего, – думает она, – но юноша этот красивый, совершенно в моем вкусе, он же тоже меня видит. Такой, какая есть, а есть – хуже не бывает. Он зачем-то ведь шел сюда, на край света – специально ко мне, так, что ли? Наслушался историй о моей бывшей красоте, собрался, да и пошел, так бывает с юношами. Ну вот, пришел, поглядел. Бедный. А я-то, я-то какая бедная!»

Лицо юноши, вполне бесстрастное и сосредоточенное, если приглядеться повнимательнее, все же выражает не то страх, не то отвращение. «Скорее второе, – говорит себе она. – С чего бы ему меня бояться? Просто противно, да. Мне бы тоже было противно на его месте... да мне и на своем месте противно. А стыдно, стыдно-то как! В таком виде предстать перед незнакомцем... А он же еще, небось, видел, как я сплю. На земле, враскоряку, раскинув дряблые ноги... Умереть от стыда можно! И, честно говоря, нужно. Что мне еще теперь остается?»

И она умирает от стыда. Сказано – сделано.

Персей так толком и не понял, почему зеркальный щит произвел на Медузу столь сокрушительное воздействие. Но

на войне важен результат, а понимание – дело десятое. Так он тогда, по молодости, думал.

«Красивая какая, – с сожалением вздыхал Персей, отделяя все еще полезную голову Медузы от ненужного больше туловища. – Жалко ее».

* * *

Мучительно хотелось меду. Так нужен был ему мед – хоть плачь.

Но он не плакал, конечно же. Он летел, все выше и выше, стремительно приближался к древесной кроне, почти бесконечно далекой от земли. Бормотал под нос: «Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь...»

Он, конечно, не был тучей, да и медведем, строго говоря, не был. Но полет должен сопровождаться песней, хоть какой-нибудь – так ему тогда казалось. Вот и напевал свою кричалку-сопелку за неимением лучшего. Получалось не слишком складно – ну да, с чего бы ему вдруг заговорить складно? Меда-то как не было, так и нет.

Он поднимался все выше и выше. В какой-то момент ему показалось, что предприятие на сей раз вполне может увенчаться успехом, но нет. Опять ничего не вышло. Его замети-

ли, узнали, ему дали отпор, как всегда.

Как всегда.

Падение было не столько болезненным, сколько унижительным. Благоуханный мед по-прежнему оставался недоступным.

В тот день Один окончательно убедился, что украсть, или взять силой Мед Поэзии не получится. Раздал воздушные шарики валькириям и пошел договариваться о честном обмене.

* * *

Прежде, чем прыгнуть со скалы, Сфинкс шепчет на ухо Эдипу еще несколько слов. Эдип слышит его последнюю загадку вполне отчетливо, но ничего не понимает. Он ошарашенно качает головой, пожимает плечами и идет в Фивы – царствовать.

Время не стоит на месте. Эдип царствует, фиванцы млеют под жесткой его дланью, супруга Иокаста окружает Эдипа воистину материнской заботой и исправно рождает ему детей. Все у них в порядке. Но царственное чело хмурится все чаще, хотя никаких причин для огорчений у Эдипа нет.

Пока – нет.

На самом деле он, конечно же, не может забыть последние слова Сфинкса. Поначалу вопрос чудовища показался ему нелепой шуткой, издевкой, жалкой, неудачной местью обреченного; теперь же фиванский царь нередко засиживается за полночь в тронном зале: только тут ему удастся спокойно подумать.

Идут годы. Дети растут, Иокаста держится молодцом, мощь Фив крепнет, а Эдип посвящает последней загадке Сфинкса все больше времени. По правде сказать, он уже почти не способен думать о других вещах. Однажды ему говорят, что в Фивах началась эпидемия; как царь он обязан принимать меры. Это чрезвычайно раздражает Эдипа, поскольку отвлекает от размышлений над загадкой.

Во дворце появляется местная знаменитость, любимец богов, слепой пророк Тиресий. Его тон кажется Эдипу высокопарным, а жесты – излишне театральными, но, вероятно, таковы все пророки, а значит, надо терпеть. Царь ожидает от гостя помощи, но речи Тиресия нагнетают истерику, царский тесть Менекей зачем-то кидается вниз со скалы, Иокаста плачет и сдуру именует своего супруга «сыночком», придворные верещат как зайцы, дети и горожане орут на разные голоса. Называют его, своего господина и повелителя, «отцеубийцей». Бегают, размахивают руками, мельтешат. Эдип толком не понимает, что случилось, но все это очень мешает сосредоточиться на главном.

Да, именно. На главном.

С удивительной ясностью Эдип вдруг осознает, что цель его жизни – вовсе не благополучие Фив и, уж тем более, не счастливая семейная жизнь. Он родился для того, чтобы найти ответ на последний вопрос Сфинкса. Бывают и такие судьбы.

Чтобы роскошь и суэта дворца не отвлекали его от размышлений, царь выкалывает себе глаза золотой пряжкой Иокасты, благо ее украшения разбросаны по всему дому. Поначалу тьма приносит облегчение; Эдипу кажется – еще немного, и он все поймет... Но тут его окружают придворные, и одни докладывают, что у супруги его Иокасты хватило ума покончить с собой, а другие просят отдать распоряжения касательно погребения покойной царицы. Появляется Тересий и требует гонорар. Дети хором оплакивают мать и наперебой требуют новые колесницы и модные в этом сезоне туники до середины бедра. Они теперь сироты, их надо баловать.

Заткнув уши, изрыгая проклятия, Эдип покидает дворец, а затем и Фивы. Жизнь слепого изгнанника нелегка, но бывший царь не жалуется. Теперь у него есть тишина, темнота и одиночество. Антигона, любимая дочка, следует за отцом, присматривает за ним, кормит и совершенно не мешает его размышлениям. Она умница. Наконец-то Эдип может спокойно обдумать последние слова Сфинкса.

Впрочем, нельзя сказать, что он делает успехи. Ответа на

бессмысленный вопрос чудовища как не было, так и нет.

Однажды за Антигоной увязывается какой-то юный болван, и она, отчаявшись отделаться от непрошенного ухажера, отвешивает ему звонкую пощечину. Встрепенувшись, Эдип заинтересованно спрашивает: «Что это было?»

«Пощечина, папа. Просто пощечина», – потупившись отвечает Антигона. Ей стыдно за собственную горячность, но Эдип восторженно восклицает: «Молодец, дочка!» – и принимается хохотать.

«Что ж, – отсмеявшись, говорит он, – вот он, значит, какой, *хлопок одной ладонью!*»

Впрочем, просветления он так и не получил.

* * *

Заря едва занялась, но Снусмумрик уже шагал по лесной тропинке, наигрывая на губной гармошке бодрую дорожную песенку. Гостеприимный Мумми-дол остался уже далеко позади, но Снусмумрик не унывал.

Он вообще никогда не унывал, отправляясь в путь: ведь ему предстояло увидеть великое множество интересных вещей и, возможно, пережить самое что ни на есть Настоящее Приключение, о каком его юный приятель Мумми-тролль мог только мечтать. К тому же в кармане Снусмумрика ле-

жал сверток, олады с малиновым вареньем, приготовленные ему в дорогу заботливой Мумми-мамой, память хранила великое множество новых песенок, кусты вдоль тропинки пестрели ягодами, а до зимы было так далеко, что и думать о ней не имело смысла. Что за удачное стечение обстоятельств!

Сейчас Снусмумрик сам с трудом верил, что когда-то давно (он был в ту пору много моложе и гораздо серьезнее, чем теперь) подобная судьба казалась ему проклятием. Впрочем, великое множество людей до сих пор верит, будто он стал странником в наказание за какие-то дурацкие грехи. На самом-то деле трудно изобрести более желаную награду!

Подумав об этом, вечный скиталец, известный обитателям Мумми-дола под именем Снусмумрик, рассмеялся, лихо сдвинул на затылок зеленую шляпу и сказал себе вслух, чего с ним давненько не бывало: «Жизнь твоя воистину прекрасна, Агасфер! И хорошо, что она никогда не закончится!»

* * *

Погода была безветренная. Поэтому рано утром он отправился к озеру. Как всегда неподвижно стоял на берегу, затаив дыхание, вглядывался в зеркальную поверхность. Ждал неведомо чего, ни на что особо не надеясь. Просто знал откуда-то (догадывался? Сердцем чуял?) что всякое зеркало —

вход в неведомое, а отражения (в том числе и его собственное отражение) – тамошние жители, свидетели небывалых дел, возможно даже – проводники.

Словом, он отлично понимал, *зачем* каждый день ходит на берег озера, хоть и не представлял, конечно, как именно все случится. Только смутно надеялся, что случится – ну, хоть что-нибудь. Хоть как-то. И дал себе честное слово, что не упустит свой шанс.

Ну и не упустил. Когда зеркальная озерная гладь вдруг превратилась в прозрачную (рожденный задолго до изобретения стекла, он никогда не видел ничего подобного) дверь, створки которой бесшумно раздвинулись, приглашая его войти, он не мешкал ни минуты.

– Представляешь, эти болваны думали, будто я без ума от собственной внешности, и с утра до ночи бегаю к озеру любоваться: какой я красавчик. Это же надо было додуматься! – жаловался Нарцисс улыбке Чеширского Кота, в чьи обязанности входило развлекать гостя, когда хозяин исчезает по делам.

* * *

Как известно, Ласточка унесла Дюймовочку далеко на юг, в Страну Вечного Лета. Солнечного света и цветочного нек-

тара тут хватало на всех, зато противных жаб, жуков и кротов не было вовсе. Не их территория.

Ласточка усадила маленькую девочку на краешек самого свежего цветочного лепестка, попрощалась и улетела по своим птичьим делам. Дюймовочка была совершенно счастлива. Она всласть напилась нектара, устроилась поудобнее, немного поболтала ногами и наконец замерла в ожидании светлого будущего, обещанного ей знакомым добрым сказочником.

Несколько часов спустя, когда малышка уже начала скучать, на соседнем цветке появился человечек, такой же крошечный, как сама Дюймовочка. За спиной у него дрожали серебристые стрекозиные крылышки. Дюймовочка смотрела на него с нескрываемым любопытством. Она очень надеялась, что незнакомец предложит ей поиграть в какую-нибудь интересную игру. Наверняка он знает много интересных игр!

Эльф действительно знал многое. Ничего удивительного: ему было больше сорока тысяч лет, а это и по эльфийским меркам – весьма зрелый возраст.

Незнакомая маленькая девочка, поселившаяся в соседнем цветке, сразу привлекла его внимание. Полдня он разглядывал ее из своего укрытия, а теперь решил рискнуть и попробовать с нею познакомиться. Вряд ли малышка откажется

от возможности полетать над лужайкой. Маленькие девочки очень любят летать над лужайками, уж он-то знает...

– Здравствуйте, – сказал Дюймовочке эльф. – Меня зовут Гумберт. Гумберт Гумберт, с вашего позволения.

* * *

Люди тихо подвывали от ужаса. Еще час назад они громко визжали, но с тех пор успели – не то чтобы успокоиться, но утомиться.

Прометей в триста восемнадцатый примерно раз повторял объяснения: это огонь, он не страшный, а полезный, он дарит свет и тепло, и еще на нем можно жарить мясо, только нужно аккуратно с ним обращаться. Несколько простых, очень простых правил техники безопасности, и все будет окей.

Это таинственное «окей» пугало людей почти так же сильно, как огонь. Но они очень старались держать себя в руках.

Прометей говорил, объяснял, показывал, демонстративно изжарил восемь бараньих ног и даже наскоро соорудил чесночный соус, а люди пялились на языки пламени и тихонько подвывали от ужаса. Они ничего не понимали. Ничегошеньки.

Наконец Прометей исчерпал все свои объяснения, аргументы и добрые чувства заодно. Сказал напоследок: «Ну, глядите, поаккуратнее с ним», – и зашагал прочь.

Как только титан скрылся в ближайшей оливковой роще, вождь племени приободрился, прекратил выть, и дал команду остальным мужчинам: вперед!

Они бесстрашно приблизились к огню. Ужас сменился веселым азартом и законной гордостью воинов. Сейчас безопасность племени зависела только от них, мужчин. Это было, черт побери, приятно.

– Я же тебе говорил, идиот: они всегда его гасят, – Зевс ухмыльнулся и подмигнул Прометею, который с печалью и отвращением наблюдал, как облагодетельствованные им ди-кари мочатся на божественный огонь.

Зевс понял, что перегнул палку, и сменил тон.

– Я уж сколько молний в них метал, все без толку, – сочувственно сказал он. – Но я не унываю: рано или поздно найдется какой-нибудь умник, поймет, что огнем можно не только шерсть на задку подпалить, но и руки погреть, и все устаканится. В нашем деле быстро не бывает. Эх ты, прогрессор хренов.

Иногда Сизифу бывает позволено передохнуть. То есть не сразу бежать вниз по склону горы за укатившимся камнем, а присесть на вершине, достать бутылочку пивка, баночку с молодой картошкой, вынуть из-за пазухи нагретый солнцем, соленый от пота помидор. Выпить, перекусить, закурить неспешно после сладкой, сытой отрыжки. А камень – что ж, камень пусть полежит внизу. Никуда не денется.

Впрочем, Сизиф нет-нет, да и взглянет вниз: как там камень? Понимает, что нет дураков присваивать такое сомнительное сокровище, но все равно немного нервничает. А вдруг?

В часы отдыха Сизифа иногда навещают дети и внуки. Приносят гостинцы, глядят сочувственно, жалеют старика. Впрочем, сам Сизиф совершенно уверен, что они уважают его упорство и, возможно, даже завидуют. Только виду не подают.

– Смотрите на меня, дети, – снисходительно говорит он. – Смотрите и учитесь. У всякого человека должно быть свое дело. Без дела жизнь становится пустой и никчемной. Вы уже взрослые, а ни у кого из вас еще нет ни камня, ни горы. Мне стыдно за вас, шалопаи!

«Шалопаи» соглашаются с Сизифом, наперебой хвалят

его упорство, говорят, что такого огромного камня и такой высокой горы ни у кого в мире больше нет. Наспех сочиняют утешительные новости, рассказывают о завистливых пересудах соседей, восхищенном шепоте юных дев, высокопарных клятвах пылких мальчишек, которые якобы мечтают поскорее вырасти и повторить судьбу Сизифа.

Они хорошие дети и не станут огорчать старика.

* * *

«Животное!» – кричит она, захлебывается слезами и злостью; усталость и отвращение заставляют ее умолкнуть. Она уже почти спокойна, но бранные слова переполняют рот и чтобы освободиться от этого тошнотворного кляпа, она снова орет: «Животное! Мерзкое, грязное, тупое животное!»

Виноват ли он, нарочно ли прятался в зарослях возле ее излюбленной купальни, или случайно забрел в эти заповедные места, она разбираться не стала. Какая разница? Что было – было, что сделано, то сделано. Людям почему-то кажется, будто богов интересуют их намерения – что за чушь! Значение имеют лишь поступки, дела, события. Не все, конечно. Некоторые.

Развязка этой истории общеизвестна: Актеон был превращен в оленя (не зря же она кричала: «Животное, животное!») Собственные псы растерзали его; история была при-

лежно записана на пергаменте и отправлена в крупнейшие библиотеки Ойкумены в назидание смертным: а вот не бродите по священным рощам с открытыми глазами, не связывайтесь с богиней-девственницей, не рискуйте, зачем вам неприятности?

Только приближенные подружки-нимфы догадывались, что дело вовсе не в жестокости Артемиды, не в божественном ее высокомерии. Просто нельзя было оставлять в живых смертного, видевшего воочию толстые кривые щиколотки дочери Зевса.

* * *

Поначалу, когда прекрасная Юдифь принесла Голову Олоферна в Бетулию, Голова произвела настоящий фурор. На нее ходили смотреть защитники города с женами и детьми, мудрые старейшины и малолетние рабы пялились на Голову с одинаковым выражением восторженного отвращения, а одна слепая старуха тщательно ощупала Голову, чтобы узнать, как выглядел при жизни грозный полководец. В точности так же она водила чуткими пальцами по лицам своих возлюбленных, страстно желая навсегда запечатлеть в памяти их черты; впрочем, последний возлюбленный оставил ее давным-давно, так давно, что Голова Олоферна в ту пору была еще младенческой головкой, покрытой золотистым

пушком.

Потом, когда сражение было выиграно, о Голове забыли. Она как следует проявилась на солнце, стала маленькой, твердой и очень прочной. Время было не властно над Головой, она пылилась в подвале дома Юдифи и тосковала от одиночества и невостребованности, как рок-звезда на пенсии.

Шли годы. Юдифь умерла; пришел срок, и внуков, и правнуков ее навестила Разрушительница Наслаждений. Дом переходил из рук в руки, новые владельцы пристраивали к нему то верхние этажи, то флигели; в начале очередного ремонта вход в подвал был замурован и забыт окончательно. О Голове Олоферна, которая к этому времени изрядно рехнулась от тоски, и подавно не вспоминали.

Чарующие и тревожные видения посещали Голову. Мерещилась ей зелень заповедных лесов, сочные травы лугов, аромат цветущих роз и палой листвы щекотал ноздри, а иногда в ее грезы вторгался ужасающий образ великолепного огненного зверя. Зверь сулил Голове погибель – окончательную, сладостную и желанную. Голова Олоферна вполне могла бы сказать себе, что зверь послан завершить дело, начатое Юдифью, но Голова уже давно забыла Юдифь.

И не только ее.

Голова вовсе не помнила прошлого, зато все еще умела мечтать о будущем. Голове казалось: если найти способ выбраться из замурованного подвала, если увидеть небо, если хватит сил не остановиться на полпути, а катиться и катиться, не зная отдыха, можно будет в конце концов укатиться за линию горизонта (Голова уже давно позабыла собственное имя, но все еще помнила, что такое «Горизонт»), а там...

Неизвестно, конечно, что ждет ее там.

Наверное, счастье – в образе огненного зверя. И еще аромат роз, конечно же.

Надежда выбраться из подвала была невелика, но Голова готовилась к побегу, как могла. Прогрызла ветхую ткань, в которую была завернута, освободилась, подкатилась поближе к двери. Затаилась.

В конце концов, когда очередные домовладельцы, пожилые супруги вскрыли замурованный подвал и сунулись туда в поисках древнего клада, Голова исполнила свой план. Сбежала. Осторожно перекатилась через порог, огляделась. Солнечные лучи переполнили пустые глазницы Головы, испепелили жалкие остатки ее разума. Голова расхохоталась и покатилась, не разбирая дороги – вперед, к линии горизонта.

Когда небольшой серый зверек попытался остановить странный круглый предмет, который показался ему скорее забавным, чем устрашающим, Голова, так и не уразумев, что

происходит, лязгнула гнилыми остовами древних зубов и прохрипела: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...»

Она совершенно не понимала смысла этих слов, но повторяла их как мантру.

* * *

Прогнав дурочку Герду, чтобы не мешала работать, забыв про сон и еду, утирая ненужными меховыми рукавицами вспотевший от напряжения лоб, прикусив от досады губу, он переставлял и переставлял с места на место скользкие, непослушные, почти бесформенные льдинки.

Когда труд его был завершен, Кай не почувствовал радости – только тупую боль в висках и опустошенность, не слишком похожую на облегчение. Согласно договору, отныне весь мир действительно принадлежал ему, но он больше не знал, что делать с этой игрушкой, а о новых коньках и вовсе не вспоминал. Не до них теперь.

Снежная Королева была довольна.

– Что ж, составлять слова из букв ты уже умеешь, – сказала она. – Дело за малым.

Небрежно погладила его по голове, неожиданно сжала пальцы на затылке – так, что он уже не мог ни высвободиться, ни отвернуться. Приказала:

– Открой рот.

– Что вы собираетесь делать? – испуганно спросил Кай.

– Ничего из ряда вон выходящего, небольшая формальность, напоследок. Вырву грешный твой язык *и празднословный, и лукавый...*

* * *

Устами многочисленных повествователей, подробно, на разные голоса, чтобы для всякого слушателя нашлась версия по росту и разумению, история рассказывает нам о докторе Фаусте, но упорно умалчивает о его ровеснике, соседе и ближайшем друге по имени Питер.

На фоне трагедии Фауста это персонаж скорее малозначительный, чем загадочный, однако справедливости ради надо бы рассказать и о нем.

Полвека назад старик приехал из Англии ради изучения математики и философии. Он – так часто случается с людьми увлеченными и рассеянными – сам не заметил, как осел на чужбине, остепенился, женился, завел дом, разбил сад и, в конце концов, стал профессором того самого университета, куда явился в надежде получить ответы на все вопросы бытия, а выучился лишь ни о чем не спрашивать, да еще скрывать от незрелых студенческих умов, что ответов на дурацкие их вопросы не существует. Коллеги, супруга и

дети звали его на немецкий манер «Петером», а он так прижился в Германии, что уже не чувствовал разницы.

Шли годы, доктор Петер овдовел, выдал за своих лучших учеников двух красавиц дочерей, вышел в отставку и теперь искренне удивлялся: куда ушло время его жизни, на какие-такие великие дела были растражжены блестящие талеры дней?

Об этом (и о многом другом, конечно) он беседовал со своим коллегой Фаустом за стаканом рейнвейна долгими вечерами, которые всегда казались им обоим осенними – даже в мае, или на Рождество.

Известно, что от друзей таиться нелегко, а уж от соседей – и подавно; Фауст щадил чувства коллеги и не хотел посвящать его в самую жуткую из своих тайн, но доктор Петер был весьма наблюдателен и обладал проницательным умом. К нему вернулось былое умение блестяще формулировать вопросы, а Фауст быстро устал отпираться, так что смутные догадки Петера вскоре стали уверенностью, а потом – знанием.

Мефистофель не возражал. Уж он-то понимал, что посвященные в его секреты чаще становятся клиентами, чем экзорцистами. В облике черного пуделя обнюхал Петера и помочился во всех углах его сада: пометил, так сказать, территорию. На всякий случай.

Наблюдая за помолодевшим приятелем, втайне завидуя его юношеской резвости, от души сочувствуя его падению, Петер почти сразу понял, в чем была главная ошибка Фауста. Сосед, можно сказать, добровольно положил голову на плаху. Молодость – не только пора надежд и наслаждений, но и период величайшей уязвимости. Никогда не бывает человек столь глуп и незащищен, как в юности. Опьяненный желаниями и мечтами, он принимает собственную безалаберность за могущество, телесную бодрость полагает гарантией бессмертия, а легкомыслие кутилы кажется ему мудростью философа – ничего удивительного, ошибиться тут действительно легко.

Трагедия Фауста не произвела на Петера особого впечатления. То есть, он жалел друга, но сам не оробел, не дрогнул, а лишь утвердился в верности своего решения. Выбрал день и час, наиболее подходящие для роковой сделки, заранее написал завещание, разумно распределив свое имущество между родней, сжег бесполезные теперь рукописи. Последние дни посвятил играм с внуками. Присматривался к ним, наблюдал, анализировал и все яснее понимал, что сделал единственно правильный выбор.

В назначенный день и час доктор Петер начертил пентаграмму и произнес должное заклинание. Ни рука, ни голос не подвели старика. Бес говорил с ним, как со старым приятелем, радуясь легкой добыче. Но когда Петер сформули-

ровал свое желание, Мефистофель взвыл от досады. Опыт прежних удачных сделок свидетельствовал: чтобы погубить человека, обычно достаточно выполнить его самое заветное желание. Но заветное желание доктора Петера вовсе не сулило гибели; хуже того: бес прекрасно понимал, что исполнение его сделает новоявленного чародея неуязвимым.

Мефистофель, конечно, не хотел уступать. Долго убеждал Петера, что тот совершает фатальную ошибку. Запугивал, лгал, льстил, искушал. Но доктор Петер оставался тверд. Он и всегда-то был упрямым, каких мало, а уж тут стоял на своем, как скала. Требовал для себя вечного детства. Заранее корчил рожи и показывал бесу язык. Дразнился, как мальчишка. Знал, что сила отныне на его стороне.

Просьба его в конце концов была исполнена. Справедливости ради следует сказать, что доктору Петеру никогда не приходилось жалеть о своем решении. Ну, скажем, так – почти никогда. Минута слабости бывает у кого угодно, но у мальчишек эта самая минута гораздо короче, чем у взрослых мужчин.

Соседи некоторое время гадали: куда мог подеваться старый Петер, наш уважаемый, всеми любимый доктор Питер? Но поскольку скандалом тут и не пахло, дочери и зятя пропавшего без вести сохраняли невозмутимость, а завещание было составлено по всей форме, все решили, что эксцен-

тричный англичанин отправился умирать на родину. Как это часто бывает, вскоре нашлись свидетели, собственными глазами видевшие, как distinguished профессор Питер Пэн нанимал карету до портового города Гамбурга.

Неизвестные сказки некоторых народов

Сказка о купце, юноше и обезьяне

Арабская сказка

Дигэ, строгой госпоже, с должным почтением

Рассказывают, что в стародавние времена в городе Багдаде жил купец по имени Хусейн аль Хаттаб. Он унаследовал от отца гарем из четырех пери преклонных лет и торговлю кунжутом и перламутром. Взяв дело в свои руки, сей достойный муж навел порядок в отцовской лавке и преумножил семейные богатства, да столь быстро, что соседи стали поговаривать, будто в саду Хусейна зарыта волшебная лампа, или иное какое-то обиталище джиннов, от которых, как известно, много бывает пользы в купеческом хозяйстве, но вреда для души правоверного все же несравнимо больше.

Хусейн аль Хаттаб знал об этих слухах, но не гневался: пусть себе болтают, что хотят. «Мне бы только, — думал он, — гарем отцовский прокормить-нарядить, а то папа говорил, пери, а жрут они, как бездомные дэвы. Да и евнуха им, что ли, нанять нового, молодого и образованного, а то ведь ску-

чают старые ведьмы. Жалко их. Какая никакая, а все же родня».

Такой уж он был достойный человек, этот Хусейн аль Хаттаб. Только о чужом благе и заботился, а на себя давно уж махнул рукой. Вел жизнь праведную и невинную, ибо некогда ему было ерундой заниматься. Оно ведь как: засядешь с утра кунжутные зерна да перламутровые пуговицы пересчитывать, намаз сотворить не успеешь, а тут уж ночь на дворе, в алям-аль-митталь пора. Ну, то есть, как говорят в таких случаях неверные, баиньки.

Только там, в царстве сновидений, и удавалось молодому аль Хаттабу пожить полной жизнью. Там ему всегда улыбались самые цветущие юноши, и самые грациозные обезьяны кидали в него плоды, суля любовные утехы. Наяву его юноши и обезьяны, надо сказать, не слишком интересовали, а вот во сне – совсем иной кашемир.

Однажды ночью, когда светила полная луна, Хусейн аль Хаттаб уснул как обычно в собственной лавке, на груде шелка и перца, дабы незамедлительно очутиться по ту сторону человеческих дел и слов. Но на сей раз в мире его грез царил печаль. Юноши проливали слезы, обезьяны же прятались на крышах домов и угрюмо поглощали плоды изюмного дерева, которыми прежде охотно делились с гостем.

Аль Хаттаб в растерянности скитался по утратившим бы-

лой блеск сновидениям, не в силах уяснить, что случилось. Наконец пред ним явился Маруф аль Зулейка, сладчайший из юношей, и с ним была Зита, сладчайшая из обезьян. Оба обливались слезами, а обезьяна при этом еще и визжала, сообразно своей звериной природе. Не останавливая поток слез, Маруф аль Зулейка пришел к вороту Хусейна перламутровую пуговицу, а обезьяна Зита дала ему спелый гранат. «Когда печаль твоя станет безмерной, застегни эту пуговицу, но не следует делать это прежде времени», – напутствовал возлюбленного своего сновидца Маруф аль Зулейка. Зита же говорить не умела, поэтому зачем нужен гранат, так и не выяснилось.

«Скажите мне, о возлюбленные мои существа, почему вы так печальны?» – вопрошал Хусейн, но не получил ответа. Слова его, как это часто бывает в сновидениях, превратились в хрустальные финики и укатились под заморский сундук из драгоценной сосновой древесины, который тоже зачем-то приснился Хусейну – хотя, казалось бы, и без сундука проблем хватало.

Проснувшись в лавке, среди россыпей жемчуга и бастурмы, Хусейн аль Хаттаб, обнаружил, что держит в руках спелый плод граната. Уразумев, что принес этот плод из своего сновидения, купец, будучи мужем расчетливым и, как сказали бы неверные, прижимистым, возрадовался выгоде, очистил плод и незамедлительно съел, а потом принялся в поте

лица пересчитывать кунжутные зерна.

И все было хорошо у этого праведного и трудолюбивого мужа, пока не пришла ночь. Ибо когда солнце скрылось за горизонтом, Хусейн аль Хаттаб обнаружил, что не может уснуть. Поначалу он даже возрадовался, ибо вообразил, сколько кунжутных зерен сможет пересчитать за ночь, если не придется тратить время на отдых. Но сон не пришел к нему и на следующий день, и три, и десять, и сорок дней спустя.

Тогда Хусейн аль Хаттаб понял, что не уснет никогда и опечалился, вспомнив возлюбленных юношу и обезьяну.

Он все еще находил в себе силы сидеть в лавке и вести торговлю, но больше не считал кунжутные зерна, словно бы прежние труды утратили свою сладостную сердцевину. По ночам Хусейн аль Хаттаб скитался по городу, смущая ночных сторожей слезными воплями: «Где ты, о возлюбленный мой Маруф аль Зулейка, где ты, о возлюбленная моя Зита?!» В такой нервной обстановке сторожам было чрезвычайно трудно утверждать, будто в Багдаде все спокойно, но они старались, как могли.

Хусейн аль Хаттаб не испытывал усталости, но худел, бледнел и чах на глазах от тоски и любви к существам, которые, как утверждал ручной соседский дервиш, были всего лишь плодами его собственного воображения. Он утратил радость бытия и даже веру в Аллаха (хвала Ему во всяком положении), ибо рассудил, что благоразумное божество

не стало бы насылать бессонницу на праведника, как бессовестный шайтан. Пожилые пери из отцовского гарема завели было обычай созывать в дом знахарей, но знахари лишь набивали карманы хозяйским имбирем, да шафраном, никакого толку от их визитов не было. А ручной соседский дервиш лечить Хусейна аль Хаттаба отказался. Пробормотал что-то невразумительное и залез на тутовое дерево – ну да что с них, дервишей, возьмешь...

Купец наш совсем уж изготовился помирать от лютой любовной тоски, бессонницы и наступившего в его жизни безбожия. Но, составляя в предсмертной агонии, опись имущества, нашел в самом дальнем углу, среди тюков с заморской чурчхелой, старую одежду – ту самую, в которой видел свой самый последний сон.

И возрадовался Хусейн аль Хаттаб, и надел эту одежду, и застегнул перламутровую пуговицу на ворота, и тут же погрузился в глубокий сон. Приснилось ему, что бродит он по мерцающим улицам алям-аль-митталя и видит, как веселятся и пируют юноши, а резвые обезьяны игриво бросают с крыш переспелые фрукты – все как в прежние времена.

И возликовал Хусейн аль Хаттаб, и призвал к себе сладчайших Маруфа аль Зулейку и обезьяну Зиту, и возлег с ними на ложе, а после спросил: «Зачем, о возлюбленные мои существа, вы вложили мне в руки гранат, убивающий сон? Неужели хотели, чтобы в разлуке с вами я осознал, сколь ил-

люзорен и бесполезен мир, который мы полагаем реальностью? Или же полагали, будто в одиночестве я познаю силу истинной любви, и все вещи, которыми я дорожил прежде, утратят для меня ценность? Или же вы решили, что пресытившись бодрствованием, я пожелаю остаться с вами, в царстве сновидений, уяснив, что дневные и ночные заботы – суть одно и то же, и следует выбирать то, что слаще? Что ж, о мои возлюбленные учителя, вы преуспели в своих начинаниях!»

«Да ничего такого мы не хотели, – сладко зевнул Маруф аль Зулейка. – Просто Зита дура, вот и дала тебе негодный волшебный плод, от которого ты захворал бессонницей. Да ты и сам виноват: вольно же тебе было глядеть такой дурацкий сон, в котором глупая обезьяна потчевала тебя отравой, а я не мог предупредить об опасности, только и сумел, что пуговицу какую-то дурацкую к вороту твоему пришить. Тут и говорить не о чем: твой сон, сам и виноват!»

И услышав такие речи, Хусейн аль Хаттаб уяснил, что нет смысла в событиях человеческой жизни, и захохотал, и проснулся от собственного смеха, и продолжал хохотать, пока наводил порядок в лавке, и даже пока шел в мечеть, хохотал. Потом, как рассказывают, он отправился в Мекку, а на обратном пути присоединился к компании каких-то пляшущих дервишей, да и был таков.

Почему люди всегда спят

Бушменская сказка

Первым человеком на земле был заяц. Вторым человеком на земле был другой заяц. А третьим человеком была луна, но она жила не на земле, а в небе. Хотя некоторые старики говорят, что самым первым человеком на земле был Цагн. Он очень устал, когда родился, и с тех пор крепко спал в своей хижине, поэтому про него никто ничего не знал. Зайцы взяли луну в жены и по очереди ходили на небо, гостить у своей жены. Но они не знали, как следует поступать мужу с женой, и спросить было не у кого. Про это знала черепаха, но она никогда никому не говорила правду. И еще знал Цагн, но он спал. Поэтому у зайцев и луны не было детей.

Другие люди тоже жили на земле, но никто не знал, что они люди. Все думали, что это звери без шерсти и когтей, и сами они не знали, как им следует называться. И никак не назывались. Зато эти люди знали, что нужно делать мужу с женой, и делали это целыми днями. У них родилось много детей, которые потом стали рыбами, обезьянами и другими животными. Старики говорят, эти люди специально родили себе столько детей, чтобы было на кого охотиться.

Однажды луна увидела с неба, как звери без шерсти и когтей поступают со своими женами. Она решила, что зайцы

тоже сумеют так сделать и очень обрадовалась. Но небо в те времена было высоко над землей, и луна не смогла разглядеть все как следует. Тогда она позвала своих мужей зайцев. Один из них тогда как раз гостил на небе, а второй оставался на земле. Луна сказала им: пойдите и посмотрите, как звери без шерсти и когтей поступают со своими женами. Кто потом сумеет сделать так же, тому я рожу много детей и разрешу превратить их во что угодно.

Заяц, который был на земле, обрадовался и побежал к людям. Он хотел быть первым, и так спешил, что забыл, зачем туда отправился. Поэтому когда заяц пришел к людям, он все перепутал и сказал: «Возьмите меня в жены!» Люди обрадовались и взяли зайца в жены. Заяц родил им много детей, которые потом стали плодовыми деревьями.

Второй заяц, который гостил на небе, добирался на землю очень долго. По дороге он проголодался и стал есть траву. Он съел так много травы, что забыл свое имя. Мимо как раз шла Черепаха, и заяц спросил у нее: «Черепаха, скажи, как меня зовут?» Черепаха решила обмануть зайца и сказала: «Тебя зовут Солнце!» Тогда заяц вернулся на небо, но не пошел к жене, а стал солнцем. С тех пор бывает светло днем, а не только ночью.

Луна очень долго ждала зайцев, но они не возвращались. Тогда она сама пошла на землю к животным без шерсти и когтей и сказала: «Возьмите меня в жены». Но у людей к тому времени было уже так много жен, что на всех не хватало

еды и хижин, и они отказались. Тогда луна заплакала, и люди стали ее утешать. Они согласились поступить с ней, как с женой, но сказали, что луна и ее будущие дети должны жить у себя на небе, потому что на земле уже тесно. Луна согласилась, и тогда люди стали обходиться с ней, как с женой. За это луна разрешила им вслух называть себя людьми; раньше такое позволялось только зайцам и самой луне.

Потом луна вернулась на небо. У нее родились дети, некоторые превратились в звезды, а некоторые стали космонавтами. Дети захотели спуститься на землю, чтобы повидаться со своими отцами. И когда дети луны пришли к людям, начался такой гвалт, что Цагн проснулся в своей хижине, вышел на поляну и сказал: «Ну все, хватит! Развели бардак! Все идите спать!» С тех пор все люди, звери и луна спят и видят сны. Им снится, что они живут, как прежде, с женами и детьми. А если какой-то человек вдруг проснется, он уходит из леса на цыпочках, чтобы не разбудить Цагна. Обычно такой человек отправляется на небо, где живет заяц, который стал солнцем. Но старики, которые видели больше снов, чем мы, говорят, что некоторые уходят еще дальше. Никто не знает куда.

Голодный шаман

Нганасанская сказка

Был старик. Жил один, своим чумом, от всех отдельно. Однажды зимой шибко голодный стал, говорит: промышлять надо. Ну, потом ушел он. Схватил лук, вышел из чума, стал по снегу ходить. Долго пешком ходил: оленей у него нет, собак нет. Целый день так ходил, и одной-то куропатки не добыл. Ничего не добыл. День какой-то туманный стал. Говорит: зачем так жить? Лучше я себя убью. Потом снова по снегу ходил, в чум не возвращался. Измучился. Говорит: зачем себя убивать? И так помру. Или шаманом стану. Еще долго ходил, однако не помер. Шаманом стал. Развеселился, в чум пошел. Теперь, – говорит, – и без еды проживу. Надел нарядную парку, к людям пошел. Пришел, говорит: Оу! Я голодный был, теперь стану ваши сны согудать¹, всегда сытый буду. Смеется. Люди его хотели прогнать, однако побоялись. Шибко страшно бывает шамана в тундру прогонять. Так и оставили старика.

Старик шаман у людей живет, их сны согудает, горя не знает. Кому куропатка приснится, а кому и олень. Сытно ему, хорошо. Иногда на снег ходит гулять, но уже не промышляет, не мучится. Толстый стал, все его уважают, боят-

¹ *Согудать* (нганасан.) – есть сырым без соли.

ся. Никто не перечит. Ночью люди спят, старик не спит, сны согудает. Людям ничего, кроме снега, больше не снится. Так и живут. Грустят. Но ничего, терпят.

Был там парень один, ему старик шаман шибко не нравился. Ему прежде часто девки снились, а теперь только приснится девка, а старик – хоп! – и согудал сон, нет больше девки. Зачем тогда парню спать, если девки не снятся? Парень думал: оу, надо старика убивать! Но тот шаман, как его убьешь? Шибко страшно шамана убивать бывает. Парень к старшим ходил, советовался. Те говорят: терпеть надо. Может, помучает вас и уйдет старик. Потом говорят: вы его днем кормите. Старик сытый станет, уснет, не тронет ваши сны.

Стали старика днем кормить. Ходят добычу промышлять, все старику несут. Куропаток несут, олени бедра несут, все жирное шаману отдают. Старик поест, но совсем не спит, только один глаз закрывает, другим глядит: не задремал ли кто? Сам сытый, лоснится, а сны все равно согудает. Шибко жадный старик попался. Парень тот ходит, мучается. Говорит: совсем плохо стало. Теперь днем жирной еды нет, а ночью девки не снятся, как тут быть? Надо что ли помирать, – думает. Но не помирает, живет. Молодой парень-то. Живет помаленьку. Ни о чем, кроме жадного шамана думать не может.

Пришла ночь, парень спать лег. А старик тут как тут, думает: дай-ка я его сон согудая. Парень хороший, крепкий,

такому целый олень присниться может, или девка, оу, попирую! А парню тому в ту ночь вместо девок жадный старик приснился. Будто ходит тот по снегу вокруг чума, довольный такой, жиром лоснится. Тут-то старик его сон и согудал. Получается, сам себя съел, вот как. Сам упал, помер. А потом куда-то делся, как не было его. Ну, говорят, мертвый шаман может сам в тундру уйти, поэтому старика не шибко искали. Кому он нужен?

Парень потом сам шаманом сделался, говорят. Но дома жить не стал. Все хотел тех девок разыскать, которые ему снились. Думал, может, под землей теперь те девки. Или еще где. Везде ходил, на край воды ходил, вниз по воде ходил, под землю и на небо во сне ходил, но девок нигде не нашел. Видно совсем съел девок тот жадный старик. Потом парень в тундру ушел, бубен с собой унес. Один там живет, чтобы никто его сны не ел.

Андриамбахуака и Занахари

Мальгашская сказка

Я пришел сегодня, я рассказываю.

Жил, говорят, человек. Его звали Андриамбахуака, у него было много быков. Его отец после рождения сына превратился в фоссу и убежал в лес, а мать умерла и стала кинули². Старики рассказывают, что однажды она приходила к Андриамбахуаке за фасолью и семенами кукурузы. Тот дал ей немного; мать ушла и больше не возвращалась³. С тех пор Андриамбахуака жил один, с рабами и слугами, пока Занахари⁴ не послал ему жену. Большая черепаха вышла из реки и превратилась в женщину невиданной красоты. Андриамбахуака привел ее к себе и был очень доволен.

Однажды к нему пришел человек и сказал: я твой шурин, брат твоей жены-черепахи. Родные обрадовались встрече, и Андриамбахуака велел рабам убивать быков для пира. Каж-

² *Кинули* – «живые мертвецы», тощие, беззубые, гнусавые, с длинными когтями. Живут в пещерах, где спят на ворованном шелке. Согласно мадагаскарским мифам, некоторые люди после смерти превращаются в кинули. Что для этого нужно сделать, или, напротив, как следует жить, чтобы не стать кинули, мадагаскарские мифы не проясняют.

³ Обычное дело. Матери, ставшие после смерти кинули всегда приходят к детям за пищей и, получив ее, больше не возвращаются. Во всяком случае, так утверждают мадагаскарские мифы.

⁴ *Занахари* – бог-творец.

дое утро начиналось с того, что Андриамбахуака выходил во двор и кричал рабам: «Эй вы, убейте быков! Эй вы, убейте всех моих быков! Эй вы там, убейте всех моих и чужих быков в честь моего шурина, нехай подавится, зараза! Рабы отвечали: Ой-ла, мы убиваем быков!»

На самом деле они не убивали быков. Андриамбахуака кормил гостя бананами и маниоккой, а кричать было надо, чтобы соседи слышали и восхищались щедростью Андриамбахуаки. Такую он придумал хитрость.

Жене Андриамбахуаки надоело каждое утро слушать вопли про быков, и она сказала мужу: пусть мой брат уходит. Но ее брат не уходил, ему нравились бананы и маниока. Ему не хотелось возвращаться в реку и снова становиться черепахой. Тогда женщина сказала мужу: давай убьем моего брата. Они надели красивые ламбы и пошли за советом к мпсикиди.

– Человек обидел нас, отец. Разложи свои зерна, спроси, как нам быть?

Колдун разложил свои зерна и сказал:

– Если этот человек вас обидел, его надо убить, но я не стану передавать вам заклинания. Самому мало.

Муж и жена отправились домой. По дороге жена нечаянно превратилась в спелые плоды, но муж ничего не заметил. Он шел через лес, а плоды катились за ним и пели: «Андриамбахуака, Андриамбахуака, где твоя жена, где твоя жена?»

Андриамбахуака услышал песню, огляделся по сторонам

и увидел, что жены нет рядом. Но он подумал, что она отправилась в гости к тетке, и продолжил свой путь. Тогда его жена превратилась в колючий куст. Куст цеплялся за одежду Андриамбахуаки и пел: Андриамбахуака, Андриамбахуака, где твоя жена, где твоя жена?

Андриамбахуака снова огляделся по сторонам и призадумался. Сперва он думал о своей пропавшей жене, но потом стал думать о других вещах. «Кто мы? – спрашивал он себя. – Куда идем, откуда пришли? И в чем смысл жизни?» Ответов на эти вопросы у него не было, и Андриамбахуака зашагал дальше.

По пути жена еще несколько раз являлась ему в виде разных растений и пела свою песню, но Андриамбахуака ее не узнавал. Тогда жена Андриамбахуаки снова превратилась в женщину. Андриамбахуака узнал ее, обрадовался и сказал:

– А я думал, ты пошла гостить к тетке.

– У меня нет никакой тетки, – сказала жена. А потом спела ему песню: – Андриамбахуака, Андриамбахуака, где твоя жена, где твоя жена?

Тогда Андриамбахуака понял, что его жена превращалась в плоды и растения.

В это время из леса вышли страшные звери, с запада пришел великан Итримумбе, с востока – огромное чудовище Бибиулу, из середины Зеленых Вод выполз огромный крокодил, а из пещер вышли кинули; они кричали: «Нас здесь десять тысяч! Нас здесь десять тысяч!»

Жена Андриамбахуаки сказала:

– Если мой отец Андриана и моя мать Андриана, пусть это дерево спрячет меня.

Ближайшее дерево тут же раскололось пополам, женщина вошла в него, и дерево снова стало целым, как ни в чем не бывало. Андриамбахуака остался один среди зверей и чудовищ. Тогда он взмолился Занахари:

– Помоги мне!

– Сначала убей черную курицу и сделай мне подношение! – возразил Занахари.

Андриамбахуака пошел в деревню за черной курицей, а звери и чудовища последовали за ним. Когда курица была убита, Занахари съел ее и сказал:

– Посмотри на меня: я стар, слаб и одет в рваные тряпки. Чем я могу тебе помочь?

Андриамбахуака огорчился и решил убить себя. Тогда Занахари сказал ему:

– Не нужно убивать себя здесь, возле человеческого жилья. Лучше заберись на высокую скалу и прыгни оттуда.

Андриамбахуака послушался Занахари и пошел к высокой скале. Звери и чудовища шли за ним следом. Андриамбахуака забрался на вершину скалы и прыгнул вниз. Звери и чудовища тоже прыгнули. Занахари подхватил человека и не дал ему упасть, а все звери и чудовища упали и разбились. А Занахари осторожно опустил Андриамбахуаку у подножия скалы.

– И что теперь? – спросил Андриамбахуака.

– Если бы ты не был героем мальгашской сказки, ты бы, небось, получил просветление, – проворчал Занахари. – А так – даже и не знаю.

Занахари улетел, а Андриамбахуака пошел домой. В его доме сидел брат жены и ел бананы и маниоку. Вскоре пришла жена Андриамбахуаки, она уже выбралась из дерева. Она сказала:

– Андриамбахуака, Андриамбахуака, у тебя сегодня был трудный день!

За всеми этими хлопотами муж и жена забыли, что собирались убить гостя. Они пошли спать, а утром Андриамбахуака снова вышел во двор и закричал рабам: «Эй вы, убейте быков! Эй вы, убейте всех моих быков! Эй вы там, убейте всех моих и чужих быков в честь моего шурина!»

Рабы отвечали: «Ой-ла, мы убиваем быков!»

А жена Андриамбахуаки сидела в доме и думала: «Какая некрасивая, громкая песня! Лучше бы мой брат ушел отсюда». А ее брат сидел во дворе и думал: «Не хочу никуда отсюда уходить».

Так до сих пор и живут.

Сказка о Марфе-старице и семерых Симеонах

Русская заветная сказка

Братицу Эли Куранту, с некоторым изумлением

Сказывают, жила в Кемской волости одна баба по имени Марфа. Соседи промеж себя звали ее Марфой-Старицей – не за то что стара была, а за то, что старцев она у себя всяко привечала, на ночлег зазывала, кормила-поила, да ночами напролет с ними поклоны била. Ну да она всех у себя привечала, не только старцев, такая уж была добрая баба.

Шли через ту деревню калики перехожие, семь братьев, семь Симеонов. Один кучерявый, второй костлявый, третий бородатый, четвертый пузатый, пятый усатый, шестой конопатый, а седьмой – мужик простой, с бестолковой головой. По дороге в лесу братья медведя поймали, играли с ним, пока не устали, но не убили, шкуру не содрали, а при себе оставили, чтобы, значит, потом еще поиграть. Такие уж были добрые люди эти Симеоны, все как один затейники.

Идут, медведя на цепи ведут. Приходят в деревню, спрашивают мужиков: где бы нам на ночлег устроиться? Мужики говорят: если хотите блинов, идите в избу к Меланье, она как раз печь затопила. Хотите пирогов – стучитесь к Авдотье,

она тесто с утра месила. А хотите всю ночь поклоны бить – тогда к Марфе-Старице вам прямая дорога, такая уж она у нас добрая баба.

Семь Симеонов переглянулись, сказали мужикам: да, поклоны бить мы мастаки, пойдем к Марфе. И пошли прямо к ней на двор. Идут, медведя за собой ведут, медведь упирается, да ничего с братьями Семионами поделать не может. Пришли. А у Марфы дом полная чаша, тут тебе и расстегаи с ватрушками, тут тебе и медовуха с квасом, на дворе цепной осетр икру мечет. Не зря, значит, все лето старалась, у барина в хоробах поклоны била. Уж барин-то ее не обидел. Такой он был добрый человек.

Семеро Симеонов к Марфе постучались, на ночлег попросились. Ты, сказывают, большая мастерица поклоны бить, да и мы старцы – не промах, хоть с виду и калики перехожие. Марфа засуетилась, братьев за стол сперва усадила, и медведя с ними. Чтобы, значит, не отошал, да не рассверипел. Давно у Марфы тайная думка была: а ну как бы научить медведя поклоны бить, то-то вышла бы забава. А тут – вот он медведь, калики перехожие сами привели.

Отужинав, пригласила Марфа Симеонов на полати, поклоны бить. Полночи поклоны били, братья уж утомились, а Марфа все уговориться не может. Ведите, говорит, вашего медведя, сейчас и его поклоны бить заставим. Привели со двора медведя. Медведь рычит, мордой мотает. Но Марфа быстро с ним управилась, стал и медведь поклоны бить.

Братья Симеоны на Марфу дивились: что же за баба такая добрая и неутомимая, вот и медведь с нею поклоны бьет, а ей все мало.

С утра братья Симеоны уходить собрались, да Марфа их со двора не отпускает. С кем, – говорит, – я поклоны бить буду, если вы сейчас уйдете? Вы уж, – просит, – погостите подольше, и медведь ваш пусть погостит.

Так семеро Симеонов с медведем у Марфы и остались. День живут, другой живут, вот уж и зима на исходе. Ночи напролет поклоны бьют, а Марфе все мало. Усерднее надо поклоны бить, – говорит. И все медведя в покои тащит. Пусть он, дескать, тоже поклоны бьет.

А к весне помер тот медведь. Братья Симеоны на такое дело поглядели и решили от Марфы сбежать. Если уж медведь так поклоны бил, что помер, что же с нами станется от жизни такой? – думают. Ну и сбежали, пока Марфа у кума в избе поклоны била. Та вернулась домой, глядь – ан нету гостей дорогих. Три дня плакала Марфа, на четвертый угомонилась. И то: сколько ж можно реветь?

А семеро братьев Симеонов с той поры только у святых отцов на ночлег останавливались, а потом и сами по скитам разошлись. Так их простая баба Марфа Старица своими поклонами на путь истинный наставила, выходит.

Сага про Йона Упрямца и кита

Исландская сага

*И. С., который хотел услышать сагу о том, как
исландец кита подоил*

Йоном звали человека, который жил на берегу Китового фьорда. Он был сыном Асмунда Дробителя Голов и Золотой Хельги, дочери Сигмунда Красноглазого; его братом был Торд Крылатый, который прыгнул со Скалы Закона в то лето, когда исландцы изгнали с острова Гримнира Метельщика и Ерунда Козленка, и не разбился. Но о Торде Крылатом в этой саге ничего не говорится, о нем есть другая сага.

Йон был крепким хозяином и человеком степенным, основательным. Он всегда носил крашенные одежды. Соседи называли его Йоном Упрямцем, потому что он всегда добивался своего. Его жену звали Сигню, она была очень знатного рода: бабка ее матери приходилась племянницей Рагнару Кожаные Штаны. У Йона и Сигню было трое детей, но о них в этой саге ничего не говорится.

В Китовый фьорд часто приплывали киты. У Йона не было корабля и людей, чтобы убивать китов, поэтому он целыми днями бродил по берегу и горевал. Однажды Йон пришел к жене и сказал: «Зачем в море плавают столько жира и мяса, если не нам это добро достается?» Жена решила, что

после таких речей Йон станет строить лодку и собирать людей в поход, однако он ничего не предпринимал, и продолжал бродить по берегу. Жене он больше ничего не говорил, рассудив, что не ее ума это дело.

Тори́ром звали человека, который жил в семье Йона Упря́мца. Его бабка была с Оркнейских островов. Люди поговаривали, что она ведьма. А мать Тори́ра взяли в плен викинги и привезли в Исландию. В Исландии она всю жизнь была служанкой Золотой Хельги, а ее сын Тори́р имел достаточно удачи, чтобы стать вольноотпущенником. Золотая Хельга подарила ему вольную, но за это попросила присматривать за Йоном и во всем ему помогать. Йон очень ценил помощь Тори́ра и дарил ему крашенные одежды. Тори́р был колдуном, хоть и говаривал порой, что нелегкое это занятие. А было это в те дни, когда в Исландии еще не приняли христианство, поэтому никто не препятствовал Тори́ру в его тайных делах.

Однажды вечером Тори́р Вольноотпущенник пошел на берег по какой-то своей надобности и встретил там Йона Упря́мца. Тот спросил, что нового, и Тори́р рассказал, как обстоят дела в хозяйстве. Йон выслушал его, долго думал, а потом сказал вису:

Лежат перины дракона
в кладовых ясеня брани,
липа колец довольна,
но гложет сердце кручина.

Торир удивился и сказал, что, дескать, хозяйство у Йона действительно богатое, и жена такой жизнью довольна, а значит, и горевать не о чем. Тогда Йон сложил еще одну вису:

Плавают в пене прилива
туши курганов мяса,
а дуб разгула валькирий
ячменную кашу гложет.

Тогда Торир понял, что Йон не может добыть кита и очень этим недоволен. Но ничего не сказал и пошел домой. Там его встретила Сигню и спросила, что нового, но Торир промолчал.

Торир Вольноотпущенник молчал до самого Праздника Середины Зимы. А когда все домочадцы сели пировать, он сказал Йону Упрямцу, что, дескать, есть разговор, и нужно выйти туда, где их никто не подслушает. Йон удивился, но отправился за Ториром во двор. Он знал, что Торир Вольноотпущенник не из тех людей, кому следует перечить. Во дворе Торир дал Йону амулет и сказал: дескать, тут вырезаны колдовские руны такой силы, что всякий кит, который подплывет достаточно близко к берегу, станет повиноваться владельцу амулета и выполнять все его приказы. Потом Торир Вольноотпущенник распрощался с Йоном. Он сказал, что выполнил наказ его матери, Золотой Хельги, помог ее сыну, чем мог, а теперь, дескать, его ждут великие дела. По-

сле этих слов Торир исчез. От него осталось много резанных рун и крашенных одежд, но в дом Йона Упрямца он больше никогда не возвращался. Некоторые достойные доверия люди говорят, что Торира видели в Винланде, среди людей Эрика Рыжего, а некоторые рассказывают, что Торир Вольноотпущенник заморозил одного могущественного конунга в Гардарике, и тот исполнял все его прихоти и пожелания, пока Торир не умер от старости, но в этой саге о нем больше ничего не говорится.

После того, как Торир Вольноотпущенник исчез, Йон Упрямец вернулся в дом и пировал до весны. А весной он пошел на берег, чтобы испытать чары Торира. Некоторое время ему это не удавалось, потому что близко не было ни одного кита. Но потом один кит подплыл достаточно близко к берегу. Это была самка, недавно родившая детеныша, и она очень разгневалась от такого обращения, но ничего не могла поделать: рунное заклинание лишило ее силы. Йон сперва хотел приказать киту выброситься на берег, чтобы можно было срезать с него мясо, но когда он узнал, что перед ним самка, ему пришло в голову, что китовое мясо ели все люди из Китового Фьорда, но никто в Исландии до сих пор не пробовал, каково на вкус китовое молоко. Он положил амулет в траву, поближе к воде, чтобы китиха не могла уплыть, а сам пошел домой за кринкой. Дома ему навстречу вышла жена и спросила, что нового. Йон ответил, что новостей, может быть, и не слишком много, зато сегодня на столе будет сто-

ять крынка с китовым молоком. Жена удивилась и стала его расспрашивать. Йон Упрямец не стал рассказывать ей про амулет, а только сообщил, что намерен подоить китиху и велел принести ему пустую крынку для молока. Сигню решила, что ее муж собирается заняться опасным делом, и захотела его отговорить. Она сказала, дескать, китовое молоко – дело хорошее, но следовало бы сперва съездить к законоговори-телю и посоветоваться с ним: подобает ли почтенному мужу знатного рода тягать кита за сиськи? Будет ли это деяние считаться достойным и благородным поступком и не опозорит ли их род? На это Йон Упрямец ответил ей: дескать, если от какого-то дела выходит прибыль и польза хозяйству, значит, дело достойное, и нечего тут особо рассуждать. Сигню решила, что ему виднее, коли так, и ушла в свои покои, а Йон взял крынку и вернулся на берег.

Кит никуда не уплыл, потому что Йон оставил на берегу амулет с рунами. Йон обрадовался, спрятал амулет за пазуху, вошел в воду и подоил китиху. Он ловко с нею управился, словно доил корову. Когда крынка переполнилась, Йон отпустил кита, рассудив, что хорошего понемногу, и не следует заедать китовое молоко китовым мясом, хотя до сих пор о таких запретах на еду в Исландии никто не слышал.

Потом кит уплыл, а Йон отправился домой с крынкой китового молока. Он поставил крынку на стол, но никто из домочадцев не решался попробовать китовое молоко. Все опасались, что молоко заколдовано, и тот, кто его выпьет, сам

превратится в кита или в рыбу. Йон Упрямец и сам этого опасался, хоть и не нравилось ему признавать чужую правоту. Тогда Сигню вспомнила, что у одной служанки недавно родился сын, а у матери нет молока, и кормилицу найти не могут. Она предложила напоить китовым молоком этого младенца: чем от голода умирать, лучше уж пускай превращается в рыбу.

Йон обрадовался и послал за служанкой. Женщина пришла и принесла младенца. Ему дали немного китового молока, младенец поел и заснул. А когда проснулся, он был размером с трехлетнего ребенка, но ходить и говорить так и не выучился. Зато плакал басом, как взрослый мужчина, и вместо молока ел сало и печенку. Тогда все поняли, что от китового молока люди становятся великанами.

Йон Упрямец поехал на тинг и рассказал там о происшествии с китовым молоком и сыном служанки. Законоговорителем тогда был Снорри Затейник; выслушав Йона, он сказал, что вот, дескать, такие дела. Потом исландцы стали думать: как жить этому мальчику-великану? Ему трудно будет найти себе товарищей по играм, а уж жену-то и подавно не сыщет. Осерчает на людей от такой жизни, и тогда, пожалуй, придется всем спасаться из Исландии бегством, бросив здесь скот и крашенные одежды.

Наконец Снорри Затейник поднялся на Скалу Закона и объявил, что остатки китового молока надо поделить между всеми брошенными младенцами и сиротами. Пусть, дескать,

становятся великанами, раз все равно никому не нужны.

Так и сделали. Йон Упрямец раздал китовое молоко семи недавно осиротевшим младенцам. Они поели и стали расти не по дням, а по часам. Через несколько лет на хуторе Йона Упрямца играли восемь маленьких великанов. Йон не мог их прокормить, поэтому еду для них свозили со всего острова. Эрлюгом звали доброго человека, который прославился тем, что привез четыре воза еды. Позже он прославился в викингском походе, но сагу о нем так и не сложили.

Потом дети-великаны выросли вдесятеро супротив обычного человека и ушли жить в Долину Великанов. Йон Упрямец думал, что они останутся на его хуторе и будут работать вместе с другими слугами, но великаны рассудили, что работать на чужого человека дело недостойное. Их потомки до сих пор живут в Долине Великанов, они такие же большие, как их родители, хотя и не ели китового молока.

Торстейном звали человека, который однажды отправился в викингский поход. Его взяли в плен люди одного конунга с Оркнейских островов и привели к своему предводителю. Тот как раз пировал и захотел, чтобы исландец рассказал ему, как живут люди в Исландии. Торстейн рассказал конунгу про великанов. Тот так смеялся, что захлебнулся пивом и умер. С тех пор на Оркнейских островах установился обычай молчать во время еды.

Лисьи чары

Китайская народная история о необычайном

Студент Лю из Хунани имел характер нордический, стойкий. Бывало съест с утра восемь бу риса с лепестками хризантем, а потом сидит в своем кабинете весь день как ни в чем не бывало, переписывает труды Конфуция на шпаргалки из рисовой бумаги – к уездным экзаменам готовится.

Однажды, когда все жители деревни праздновали седьмой день седьмой луны, а в соседнем селении как раз начался одиннадцатый день одиннадцатой луны, и по этому поводу повсюду устроили небывалое веселье с фейерверками, один из высокопоставленных чиновников Небесной Канцелярии решил, что достоинства студента Лю заслуживают награды. Он взял ломоть свежего сыра из молока Небесных Коров, завернул его в шелковую ткань, запечатал сверток своей нефритовой печатью и послал студенту Лю, как награду и назидание.

Получив дар, студент Лю надел парадный халат и вышел во двор, сохраняя обычную невозмутимость. Он отправился в храм предков, где воскурил благовония, а потом, погружившись в задумчивость, влез на вершину столетней сосны, дабы приблизившись к небу, насколько это возможно, с должным уважением съесть гостинец в тишине и уединении.

Как только Лю взгромоздился на дерево, внизу зашуршал шелк: хуу-хуу! Потом раздались звуки лютни, цитры и флейты. Лю посмотрел вниз и увидел, что его двор заполонили чьи-то слуги в нарядных одеждах, а на траве под деревом стоит чайный столик с вином и закусками. Служанки под руки привели деву, чьи рукава стелились по земле, а башмачки были крошечными, как семена лотоса, с должным почтением усадили ее на шелковые подушки и ушли, пятась и кланяясь.

– Если молодой господин не побрезгует обществом своей служанки, я буду рада предложить ему чарку вина, нынче утром доставленного из столицы, – учтиво сказала дева, обращаясь к студенту.

Студент Лю слез с дерева, поклонился деве и принял из ее рук чарку вина.

– До сих пор, – вежливо сказал он, – бессмертные феи не утруждали себя ради меня, ничтожного.

– Ваша презренная служанка состоит в дальнем родстве с семьей блистательного господина, – поведала ему дева. – Наши прабабки были двоюродными сестрами, поэтому моя покойная мать велела мне разыскать вас и прислуживать вам с совком и метелкой, если вы согласитесь снизойти ко мне, недостойной.

Студент Лю обрадовался, пригласил гостью в спальню, развязал пояс и принялся любезничать. Слуги прекрасной девы тем временем украшали дом, да так, словно ожидалось

прибытие Императора Поднебесной.

– Я скромный студент, – сказал дева Лю, – и мало что могу предложить вам в качестве свадебного дара. Старый матрац, рванный халат, подбитый ватой, да бамбуковая флейта – вот все мои сокровища.

– Сокровищ у вашей ничтожной рабыни достаточно, – ответствовала дева. – Единственное сокровище, о котором я прошу, – это благосклонность молодого господина. Но чтобы соблюсти обычаи моих предков, вы должны разделить со мной свою трапезу.

Студент Лю обрадовался, что сможет угодить дева, вынул из-за пазухи сыр из молока Небесных Коров и с поклоном предложил ей взять кусочек. Но прекрасная дева захохотала басом, как нетрезвый погонщик мулов и проглотила весь кусок целиком, вместе с шелковой оберткой и сургучной печатью чиновника Небесной Канцелярии. Тут же все исчезло: и слуги в нарядных одеждах, и сокровища, и сама дева. Студент Лю остался один.

Сохраняя невозмутимость, студент Лю завязал пояс и отправил к даосскому монаху, который как раз ел камни в соседском дворе. Даос выслушал рассказ студента и сказал, что это, несомненно, были лисьи чары.

От огорчения студент Лю утратил невозмутимость и, выкрикивая непристойности, отправился в ближайший уездный город, где с честью выдержал экзамены, получил шапку чиновника и, будучи уже великим государственным мужем,

прилагал все усилия для борьбы с лисьими чарами.

Энциклопедия вымышленных непристойностей

У Шнерчи, что живут в лесах на берегах реки Кхромь, крайне непристойным считается упоминание родителей, особенно в беседе с чужими, посторонними людьми. Шнерчи полагают, что, заводя разговор о родителях, человек напоминает собеседнику, что когда-то тот был сгустком мерзостной слизи, обитавшим в чужих внутренностях. Родителей в данном контексте воспринимают именно как свидетелей и соучастников этого «позорного» периода человеческого существования.

Вполне естественно, что подобное отношение к родителям не могло не отразиться на жизненном укладе племени. Младенец находится с матерью и отцом лишь до тех пор, пока не начинает говорить. Шнерчи убеждены, что именно умение разговаривать свидетельствует о способности осознать настоящее, вспоминать прошлое и планировать будущее; они полагают, что в тот день, когда ребенок произнес первое слово, он непременно задумается о тайне своего происхождения и, возможно, будет шокирован воспоминаниями о нечистоплотных подробностях зачатия и внутриутробного бытия. Долг любящих родителей, по мнению Шнерчи,

состоит в том, чтобы как можно скорее оказаться вне поля зрения ребенка и не напоминать ему своим видом об «ужасах» недавнего прошлого. Поэтому младенца поспешно относят в специально отведенное для таких целей место и оставляют там, в надежде, что дежурные жрецы Сиротского Обряда найдут его в ближайшие же часы и, дождавшись благоприятного момента, когда молодых лун на небе будет больше, чем ущербных передадут найденыша на воспитание той семье, на которую укажет гадание. Так оно обычно и случается, хотя местные старики помнят случаи, когда младенцы таинственным образом исчезали с Сиротской поляны. Шнерчи полагают, что пропавшие дети были усыновлены лесными духами или даже бездетными богами; наши исследователи, однако, опасаются, что несчастные малютки стали жертвами мелких хищников поэлли, каковые обильно плодятся и сытно кормятся на берегах Кхроми.

Случается, что очень близкие друзья или влюбленные в минуты величайшей откровенности признаются друг другу, что у них есть родители и потом подолгу плачут в объятиях друг друга; наиболее смелые и раскованные даже способны измыслить и поведать собеседнику некоторые эпизоды из совместной жизни с родителями (принимая во внимание юный возраст, в котором Шнерчи покидают отчий дом, трудно предположить, что такие воспоминания могут иметь настоящую ценность).

Исследователи отмечают, что такие беседы происходят только в темноте: рассказывая о родителях, невозможно смотреть в глаза собеседнику, – полагают Шнерчи; тем более, нельзя допустить, чтобы он видел в этот момент твое лицо.

Следует добавить, что участники разговора о родителях рискуют своей репутацией: если их смятенный шепот будет подслушан, им вряд ли когда-нибудь удастся стать уважаемыми членами общества. Прежде за такое публично побивали поленьями; теперь же, когда нравы жителей побережья изрядно смягчились, уличенных в непристойных беседах просто не пускают за общий стол во время праздников; им также строго запрещается участие в межсезонных оргиях и некоторых других обрядах, наполняющих жизнь Шнерчи некоторым смыслом.

Напоследок заметим, что родителей порой упоминают во время ссор, особенно семейных; это расценивается как одно из самых тяжких оскорблений и нередко влечет за собой убийство – особенно в тех случаях, когда родители были упомянуты при свидетелях. Шнерчи полагают, что такой позор может быть смыт лишь кровью.

Ку-круаны – те самые, что вошли в историю мировой литературы как первооткрыватели эпистолярного жанра – наивысшим проявлением непристойности считают публичную

демонстрацию несовершенного человеческого тела.

Люди с красивыми лицами и пропорциональными телами, по мнению Ку-круанов, могут разгуливать нагишом, ибо их внешний вид доставляет окружающим удовольствие. Прочие же, по их мнению, должны появляться в публичных местах, тщательно замаскировав изъяны своей плоти. Ку-круанские плащи с капюшонами, которые на протяжении нескольких столетий то и дело возвращаются в моду на Континенте – естественное следствие обычаев этого народа: свободный покрой скрывает недостатки фигуры; капюшон позволяет спрятать лицо.

С незапамятных времен у Ку-круанов было принято бесплатно раздавать одежду страждущим уродам: если общество требует, чтобы некрасивые люди были одеты, оно обязано предоставить им эту возможность.

Поскольку красота и уродство – категории, зависящие исключительно от субъективного восприятия созерцающего, история Ку-круанов изобилует драматическими эпизодами зверских расправ над обнаженными, чьи совершенные пропорции пришлись не по вкусу необразованной толпе. Известно немало случаев, когда жертве удавалось ускользнуть, пока ее гонители и почитатели выясняли отношения между собой. В частности, весьма популярно предание о битве за Зорги: у этого прекрасного юноши один глаз был голубым, а

другой – темно-карим. Блюстители пристойности призвали окрестных жителей закидать красавчика Зорги увесистыми плодами дерева кромект за то, что тот не прикрыл свои разноцветные глаза вуалью. Поклонники Зорги, в свою очередь, утверждали, что разноцветные глаза делают внешность юноши необычной, но вовсе не уродуют его лицо. Дискуссия переросла в потасовку, а поскольку Ку-круаны – и женщины, и мужчины – не переступают порог дома без своих знаменитых круглых ножей, потасовка превратилась в настоящую битву, которая лишь чудом не завершилась гражданской войной.

Официальные летописи рассказывают, что потрясенный этим бедствием юноша Зорги выколол свои разноцветные глаза; однако письма его современников и некоторые другие документы той эпохи свидетельствуют, что он просто покинул страну, объявив своих соплеменников *хаерре хере* (что, с известной натяжкой, можно перевести как «клинические идиоты»).

На Хенсинском полуострове, где когда-то царила империя Ку-круанов (теперь она, как известно, превратилась в крошечное княжество, существующее исключительно благодаря снисходительности ближайших соседей), и поныне можно встретить множество памятников невинным жертвам эстетических разногласий; пропорции их тел и черты лица, как правило, изумительно красивы. Впрочем, некоторые изваяния могут обескуражить современного созерцателя: в исто-

рии Ку-круанов были краткие периоды поклонения коротконогим женщинам и широкобедрым мужчинам; одно время считалось, что совершенным может быть признан лишь очень короткий, приплюснутый нос, а всего полторы сотни лет назад эталоном красоты были объявлены глубоко посаженные глаза.

Как бы то ни было, но большинство экспертов сходится во мнении: именно благодаря вышеописанному представлению о непристойном, варварскому и причудливому одновременно, Ку-круаны изобрели эпистолярный жанр. Не уверенные, что внешность их действительно совершенна, не желая при этом прослыть уродами, кутаясь в накидки, богатые и знатные Ку-круаны старались как можно реже покидать свои жилища. Тоскуя без общества, они завели обычай обмениваться с друзьями пространными записками, содержание коих не имело решительно никакого отношения к текущими делам. Слуги относили письма по назначению, даже не подозревая, что держат в руках шедевры мировой литературы, коими будут зачитываться грядущие поколения.

В культуре древней народности **Мнеке** (некоторые исследователи полагают их предками современных Мнекинов, другие аргументировано возражают, ссылаясь на принадлежность языков Мнеке и Мнекинов к разным языковым группам) наивысшим проявлением непристойного поведения считались разговоры о сновидениях.

Сама по себе способность видеть сны тоже признавалась «стыдной» и «непристойной», однако, пока сновидец помалкивал, уличить его было невозможно, да и «ущерба общественной нравственности» он, по мнению старейшин Мнеке, не причинял. Человек же, который решался поведать об увиденном сне постороннему, обычно признавался неисправимым распутником; нечего было и надеяться, что он когда-нибудь сможет устроить свою семейную жизнь.

Тех, кто регулярно пересказывал окружающим свои сны, объявляли сумасшедшими и заботливо лечили отваром листьев кустарника галиопедрол, который не только горек, но и ядовит, так что пережить интенсивный курс лечения удавалось немногим.

На основании некоторых дошедших до нас документов можно предположить, что разговоры о снах были рискованным, но соблазнительным элементом изощренной любовной игры, которой в совершенстве владели продажные женщины Мнеке; в то же время, супружеские (т. е. связанные сколько-нибудь долгосрочными узами) пары, как правило, воздерживались от бесед на эту тему.

* * *

В легендах **Братьке** упоминается некое высокогорное селение Бджетла, жители которого в древности якобы полага-

ли, будто обладание имуществом, по сути, не что иное, как акт прелюбодеяния с мертвым предметом. Исключение делалось лишь для вещей, изготовленных собственными руками: их предлагалось считать чем-то вроде продолжения тела создателя, а уж со своим собственным телом человек волен делать все, что заблагорассудится – это правило обитатели селения Бджетла почитали священным.

Поэтому жители селения с раннего детства были вынуждены самостоятельно изготавливать все предметы обихода; такие понятия как торговля и обмен были для них совершенно неприемлемы; воровство же, можно сказать, процветало, поскольку всегда найдутся темпераментные любовники, чье эротическое влечение (пусть даже и к чужим вещам) оказывается сильнее, чем страх нарушить запрет.

Пойманного с чужой вещью в руках не наказывали, но какое-то время сторонились, как бы брезгуя; впрочем, через некоторое время обнаруживался новый вор, и проступок его предшественника великодушно забывали.

Следует заметить, что сами Братьке не склонны принимать на веру рассказы о жителях селения Бджетла. Они полагают их своего рода притчами – не слишком поучительными, но забавными.

Пляшке, что живут в горах Смапп (их ближайшие соседи Дзере сказали бы: «не живут, а прозябают», – но они

слишком пристрастны), величайшей непристойностью считают затянувшуюся любовную связь. Им кажется, что краткая связь делает любовный акт страстным, но поспешным и неловким, почти невинным: любовники не успевают как следует изучить друг друга, а потому не могут доставить друг другу утонченное удовольствие. Они способны лишь остудить пыл и, возможно, зачать ребенка, что, собственно, от них и требуется. Чем меньше удовольствия от телесной близости – тем лучше, считают Пляшке.

Разумеется, представления о том, какой срок требуется, чтобы любовную связь сочли «затянувшейся», менялись неоднократно. В древности существовало жесткое требование менять партнеров ежедневно (уличенных в чрезмерной привязчивости прилюдно хлестали по щекам мокрой травой), а несколько столетий назад Пляшке считали, что любовникам просто не следует оставаться вместе дольше одного года. Есть сведения, что в те времена некоторые возмутители спокойствия утверждали даже, будто нет большого греха в том, чтобы оставаться вместе и на более долгий срок, лишь бы в течение жизни человек сменил не менее дюжины партнеров. Знатоку истории и нравов Пляшке нелегко будет поверить, что сторонникам этой крамольной идеи удавалось оставаться безнаказанными, однако, это, по всей видимости, правда.

Так или иначе, но либеральные времена эти давно миновали и теперь Пляшке вынуждены покидать своих возлюбленных не реже, чем через четверо суток после первого соития. Провинившихся, согласно дедовскому обычаю, принародно бьют по щекам (правда, уже не травой, а пучком мокрых тряпок, что, по общему мнению, гораздо чувствительнее); тех же, кто совершает непристойные проступки слишком часто, изгоняют из общины, после чего несчастный бывает вынужден покинуть горы и поселиться на равнине, что считается большим унижением и несчастьем.

Кулукуяле, чьи поселения до сих пор встречаются на окраинах Лкасси, полагают весьма непристойным зрелищем открытые раны и даже обычные царапины. Им кажется, что повреждения плоти приоткрывают людскому взору зрелище, ему не предназначенное: человек вдруг получает возможность заглянуть внутрь собственного (или чужого) тела и получить некоторые представления о его, тела, устройстве, а это, по мнению Кулукуяле, «не наша песья забота». Поэтому раненый Кулукуяле непременно замуривается и не открывает глаза, пока не будет уверен, что его рана зажила (шрамы, по их мнению, тоже довольно непристойны, их прячут от чужих глаз, но все же считается, что нет ничего дурного в том, чтобы увидеть собственный шрам, поскольку он – всего лишь напоминание о былой ране).

Из этого вовсе не следует, будто Кулукуяле не знакомы основы медицины. Другое дело, что к знахарям всегда относились со снисходительным презрением: их услугами охотно пользуются – в точности как наши соотечественники пользуются услугами проституток – однако и речи быть не может о том, чтобы, скажем, пригласить знахаря на завтрак в приличный дом, или обменяться с ним ритуальными дарами в день троекратного полнолуния. Мальчика из хорошей семьи никогда не отдадут в любовники профессиональному знахарю (тут следует отметить, что детская проституция – явление для Кулукуяле совершенно нормальное, нечто вроде обязательной части программы школьного воспитания).

Зато особым почетом и уважением пользуются среди Кулукуяле знахари, которые способны врачевать наощупь. Как правило, они обладают нормальным зрением (слепым был лишь основатель школы по имени Хакка Кес), но прежде чем войти в покои раненого, такой знахарь непременно завяжет глаза плотным шарфом из волокон панки. Известно, что знахари, врачующие вслепую, нередко ошибаются, а их пациенты гибнут. И все же любой состоятельный Кулукуяле предпочтет вверить себя представителю этой школы, а услуги незрячих врачей, не престающих границы пристойности, стоят в десятки раз дороже, чем помощь обычного «распутного» лекаря.

Твенги, расселившиеся в оазисах пустыни Трауги, величайшей непристойностью считают старость. Почему так получилось – неизвестно самим Твенги, они совершенно не в состоянии объяснить, по какой причине полагают старость не просто злом, но злом неприличным, бесстыдным, похабным. Однако же по сей день Твенгиверны этой древней традиции.

Некоторые исследователи предполагают, что идея о непристойности старения принадлежит древним племенным вождям Твенги. Таким образом они исподволь внушали своим воинам желание героически погибнуть в бою и, следовательно, избежать позорной старости.

Пожелание долгой жизни, которое столь благожелательно звучит в устах человека любой другой культуры, с точки зрения Твенги – ужасное оскорбление. Будучи произнесенным вслух, такое пожелание почти наверняка спровоцирует не просто драку, но настоящую бойню.

В частности некоторые исторические документы позволяют с уверенностью утверждать, что именно совет «откладывать деньги на старость» стал в свое время причиной войны между оазисами Квепти и Стонги – единственной гражданской войны за всю тысячелетнюю историю народа Твенги.

Любопытно, что при этом Твенги не убивают своих стариков, у них нет даже традиции возрастных самоубийств. Лю-

бой Твенги знает, что когда-нибудь станет всеобщим посмешищем, которое даже собственные дети не пустят на порог дома. Единственный шанс избежать позора – умереть молодым. Наилучший способ – с честью погибнуть в бою с кочевниками, которые, впрочем, случаются весьма редко, или в драке, каковые, напротив, завязываются чуть ли не ежедневно.

Старики живут в специальных коробках, похожих на наши собачьи будки, и питаются скудным подаянием, которого вечно недостает. Твенги вовсе не скупы, но многим попросту неловко иметь дело со стариками, которые, к тому же, выходят на улицу только по ночам, закутавшись с ног до головы в специальный балахон. Больше всего Твенги обеспокоены, что стариков могут увидеть дети.

В то же время детей, которые сами, по собственной воле ходят к коробкам, чтобы наблюдать за жизнью стариков, сурово наказывают: увозят в пустыню и оставляют там без пищи и одежды. Мало кто из юных нарушителей пристойности возвращается домой живым, зато тому, кто вернулся, прощают все, поскольку Твенги уверены, что солнце пустыни способно выжечь любую скверну.

Глуны, что живут в предгорьях Квасса, полагают чрезвычайно непристойным всякое публичное проявление скуки. Они считают, будто человек, демонстрирующий скуку, хочет

показать присутствующим, что в его жизни случилось кое-что гораздо более интересное, чем текущий эпизод. Глуны уверены, что окружающие непременно постараются представить себе разные увлекательные сцены из жизни скучающего; фантазия их разыграется и, в конце концов, все присутствующие будут ввергнуты в совершенно непристойные мечтания.

Поэтому у Глунов принято не раздумывая плевать в лицо любому, кто выглядит заскучившим. Драка, которая непременно последует за плевком, отвлечет всех от непристойных размышлений, – полагают они.

Впрочем, такие инциденты случаются крайне редко, поскольку благовоспитанные Глуны с детства приучены во всех обстоятельствах сохранять на своих физиономиях выражение заинтересованности и живого участия.

Некоторые исторические документы свидетельствуют, что **Отруханы** – немногочисленное племя, жившее в лесах на севере Мораквы – считали непристойным любое проявление агрессии. Легкий символический шлепок по бедру служил у них недвусмысленным приглашением к любовной игре; собственно говоря, всякий удар, в их представлении, являлся началом полового акта, его полноценной и обязательной составляющей. С этой точки зрения можно понять яростное нежелание Отруханов вступать в драку с чужими

людьми и, тем более, животными.

Отшлепавший ребенка подвергался всеобщему порицанию; драка между мужчинами представлялась чуть ли не актом мужеложства, а убийство животного – чем-то вроде зоофилии, т. е. поступком особенно отвратительным.

Не будучи убежденными вегетарианцами, Отруханы были вынуждены довольствоваться растительной пищей; лишь изредка им выпадала удача найти в лесу останки мертвого зверя, в таких случаях устраивались большие праздничные пиры, в ходе которых труп с жадностью пожирался.

Понятно, что Отруханы не были способны конкурировать со своими более агрессивными соседями (из всех военных премудростей они преуспели лишь в искусстве прятаться). Если бы их причуды не были описаны дотошными завоевателями, мы бы никогда не узнали об этом давно исчезнувшем народе.

Величайшей непристойностью считают уход за собственной внешностью люди **Ватаки**, обитающие в янтарных городах долины Пахатка. Им кажется, что забота о наружной красоте – что-то вроде жульничества, мошенничества, нечистоплотной попытки показаться лучше, чем ты есть.

По их мнению, обладать красивым лицом – само по себе изрядная неприятность; однако, полагают Ватаки, эту беду можно поправить, если как можно реже мыть и расчесывать

волосы, не бороться с разрушением зубов и дурным запахом изо рта, и годами не менять одежду (регулярную смену гардероба могут позволить себе лишь глубокие старики и тяжелобольные – в тех случаях, когда, по мнению знахаря, хворь затаилась не в теле, а в складках одежды).

Нередко Ватаки – и мужчины, и женщины – сознательно уродуют себя, поскольку красивому человеку очень трудно обустроить свою личную жизнь и стать членом одной из больших полигамных семей (обычно семейный союз у Ватаки объединяет от трех до пяти женщин и столько же мужчин; жить парами или триадами не запрещается, но считается, что такие союзы менее устойчивы, поэтому добиться их официальной регистрации со всеми приличествующими церемониями бывает довольно хлопотно).

Красивых людей неохотно берут на работу, полагая, что «красавчики» не пригодны ни к чему, кроме «ухода за своими гладкими щечками»; не во всяком трактире их соглашались обслуживать; когда же они появляются в людном месте, прохожие демонстративно отворачиваются, всем своим видом выражая возмущение, граничащее с брезгливостью.

Единственный выход в таких случаях – исцарапать и перепачкать свое лицо до такой степени, что правильные черты его будет невозможно различить. Большой популярностью среди таких неудачников пользуется кустарник Норо, поскольку едкий сок его листьев оставляет на лице незажи-

вающие красные пятна, а веки, смазанные этим соком, опухают, и глаза превращаются в крошечные щелки, что способно изрядно испортить самое красивое лицо.

При этом Ватаки весьма ценят красоту окружающего мира – если только красота эта не имеет никакого отношения к человеческой плоти. Дома и сады янтарных городов Ватаки столь прекрасны, что восхищенные иноземцы называют их вдохновенными шедеврами; дизайн интерьеров заставляет цепенеть самых искушенных знатоков, а расцвет разного рода прикладных искусств длится вот уже несколько столетий, так что художники всего мира съезжаются в янтарные города долины Пахатка, дабы научиться основам мастерства у местных ремесленников.

Коерзианский принц Тойли Кунсианин, который в течение нескольких лет жил инкогнито в одном из янтарных городов, остроумно заметил, что дома и сады Ватаки особенно хороши на фоне неприглядной внешности своих обитателей. А мудрец минувшей эпохи Свали Чумадра предположил, что уродство Ватаки – жест богоборческий: создавая прекрасные вещи и всячески подчеркивая несовершенство собственной внешности, эти искусные и гордые ремесленники стараются продемонстрировать своему *бесстыжому безымянному богу* (именно так именуется он в молитвах), что являются куда более умелыми демиургами, чем он, ник-

чемный.

Чрезвычайной, из ряда вон выходящей непристойностью считают жители острова **Масли** какие-либо сношения с иностранцами.

Особенно любопытно, что при этом остров Масли с давних пор является местом активного паломничества жителей ближайших океанских побережий. В глубине острова находятся горячие источники, которые сламцы считают испражнениями подземного бога Гарби, а келтанцы, напротив, живыми слезами заоблачной богини Катумяску, которую каждый день покидает новый возлюбленный.

Потоки паломников не иссякают и поныне. Утратив былое религиозное рвение, заокеанские соседи обнаружили, что Масли – прекрасный климатический курорт.

Поскольку плата за право ступить на берег Масли – единственная серьезная статья островного дохода, правители острова вынуждены поощрять туризм. Это неоднократно становилось причиной восстаний ортодоксальных сторонников островной благопристойности. Гнев их был направлен не против иностранцев (поскольку даже размышлять о них непристойно), а против властей, позволяющих иноземным кораблям причаливать к берегам Масли. Беспорядки эти, впрочем, всегда безжалостно подавлялись, а с тех пор, как власти пригрозили, что будут отправлять подстрекателей об-

служивать приезжих, на острове восстановилась политическая стабильность.

Местные жители могли бы обогатиться, обслуживая иноземцев, но решаются на это очень немногие. На контакт с иностранцами идут только отчаявшиеся, под угрозой голодной смерти, во имя детей (которых, впрочем, сразу же отдают на воспитание чужим людям, чтобы «порочная» деятельность родителей не запятнала их будущую репутацию). Открыть ресторан, уборную, или ночлежный дом для иностранцев – это падение на самое дно масляйского общества; обслужить чужака, заглянувшего в твою лавку – гораздо хуже и унижительней, чем торговать собственным телом (если, конечно речь не идет о сексуальных контактах с иностранцами, на что обычно решаются только перед самоубийством – чтобы некуда было отступить).

Однако доподлинно известно, что жители острова Масли испытывают обостренный интерес к запретным иноземцам; наиболее храбрые (и «порочные») тайно следят за приезжими из специально вырытых подземных укрытий в районе горячих источников, а вернувшись домой, в интимном кругу воспроизводят увиденное, к месту и не к месту выкрикивая незнакомые слова на чужих языках. Как всякий великий грех, это доставляет им неизъяснимое наслаждение.

Катри, о чьей первобытной простоте нравов впору сла-

гать легенды, эти невинные распутники, среди коих стремятся проводить каникулы юные граждане Трех Империй, дабы ненадолго очутиться в атмосфере равенства и вседозволенности, бывают чрезвычайно смущены, если в их присутствии кто-то разжигает огонь. В таких случаях Катри стыдливо отводят глаза и краснеют, а речь их становится сбивчивой и невнятной. Они даже могут попытаться уверить удивленного собеседника, что не заметили, как «это» произошло.

Причина такого трепетного отношения к добыванию огня проста: Катри убеждены, что всякий человек состоит в особых, интимных отношениях с неким «огненным демоном»; лишь в результате краткого, но пронзительного любовного акта с этим демоном удастся добыть огонь (огниво же они полагают чем-то вроде искусственного полового органа, которым человек вынужден пользоваться, чтобы доставить демону удовольствие).

Взаимодействия с этим таинственным пламенным существом являются, по мнению Катри, личной тайной каждого; все остальное, в том числе и сексуальные контакты между людьми – события обыденные и случайные, они могут происходить как прилюдно, так и в укромных местах, поскольку не имеют никакого значения.

Бленьки, о которых рассказывают путешественники, побывавшие на Окраинных островах, почему-то считают со-

вершенно непристойным вид древесных грибов, которые, следует отметить, в тех краях не редкость.

Если кто-то из Бленьки обнаруживает на стволе дерева причудливые грибные наросты, он долго топчется поблизости, смущенно хихикая и тревожно оглядываясь по сторонам, дабы никто не застукал его за столь неподобающим занятием. Иногда смотреть на древесный гриб ходят небольшими компаниями, непременно однополыми и никогда – в сопровождении родственников; члены таких компаний связаны своего рода круговой порукой и ни за что не станут обсуждать случившееся при посторонних.

Друпты из верхней Альдахи панически боятся бессонницы – и не потому, что недуг сей бывает мучителен, а по той причине, что бодрствование по ночам считается у них непристойным поведением, а сама бессонница – «стыдной», «неприличной» болезнью, которая не вызывает у окружающих никакого сочувствия, а лишь провоцирует циничные усмешки.

Установлено, что если один из супругов страдает бессонницей, второй имеет право уйти от него, забрав большую часть совместного имущества. Справедливости ради следует заметить, что непристойное поведение ответчика должно быть доказано: требуется привести как минимум троих свидетелей, что практически невозможно, поскольку пред-

полагается, что ночью все приличные люди спят, а значит, не имеют возможности наблюдать друг за другом.

Однако человеку, которого однажды заподозрили в ночных бдениях, бывает очень трудно вернуть себе доброе имя и восстановить запятнанную репутацию.

Достоверно известно, что обычай сей родился из случайно оброненной фразы одного из первых королей Друптов, который однажды во всеуслышанье заявил своим дочерям, зевавшим за завтраком после затянувшегося накануне девичника: «По ночам спать надо, а не глупостями всякими заниматься».

Усердные королевские слуги тут же записали высочайшее замечание на куске меленговой коры и огласили в качестве специального указа. Король удивился, но по ленности не стал ничего менять, поэтому Друпты по сей день вынуждены укладываться в постель с наступлением темноты, и лежать, сохраняя неподвижность, чтобы домашние и соседи не уличили их в непристойном поведении.

Беблоганы из Мкегне полагают, будто не может быть более непристойного поступка, чем откровенный рассказ о себе. Ложь выполняет у них ту же функцию, что одежда у других народов, чьи представления о стыдливости совпадают с общепринятыми.

Рассказать правду – значит прилюдно обнажиться; солгать – всего лишь соблюсти пристойность. Что бы вы не говорили, собеседники не станут внимательно прислушиваться к вашим словам, поскольку заранее не готовы серьезно относиться к содержанию вашего монолога. У слов, произнесенных вслух, нет никакой прикладной ценности, они выполняют декоративную функцию, поэтому всякий Беблоган заботится лишь о том, чтобы развлечь и позабавить своих собеседников забавной, необязательной байкой.

Для правды существует письмо: в тех случаях, когда возникает настоятельная необходимость ознакомить собеседника с истинным положением вещей, Беблоган пишет записку. Стыдливость не позволяет ему подписаться собственным именем, поэтому под правдивым текстом всегда стоят вымышленные инициалы. Но поскольку записка всегда передается из рук в руки, проблем с идентификацией автора не возникает.

Понятно, что у Беблоганов нет и быть не может ничего, похожего на литературу, только в высшей степени правдивые и беспристрастные исторические хроники, добросовестно создаваемые поколениями анонимных авторов. Если же в руки Беблогана попадает чужеземная книга, он примет на веру все, что там написано – кроме имени автора, разумеется.

Очевидцы рассказывают о безумных выходках Беблоган-

ских студентов: выпив для храбрости, юноши и девушки в масках врываются в какой-нибудь ресторан, где проводят семейные вечера уважаемые горожане. Там молодые хулиганы очень громко выкрикивают несколько слов, правдивость которых очевидна для всех присутствующих (например: «я – юная девица», – или: «я промок под дождем») – и поспешно убегают.

Это – весьма рискованные выходки, поскольку согласно Беблоганскому законодательству всякий уличенный в публичной искренности должен быть наказан трехчасовым сидением в «позорной луже» на рыночной площади. Каждый прохожий считает своим долгом прилюдно помочиться в зловонный водоем, где томится несчастный правдолюбец; некоторые возмущенные обыватели приводят к луже своих домашних животных, а детвора с энтузиазмом забрасывает наказанного жидкой грязью.

Страшно даже подумать, как отнеслись бы Беблоганы к церковной исповеди, если бы им довелось узнать об этой, столь обычной для нас, процедуре.

Прухты, обитающие на Краю Земли (во всяком случае, так они сами именуют Блубонскую степь, где разбросаны их селения), смущенным хихиканьем провожают всякую летящую птицу; даже вид порхающей бабочки может заставить их покраснеть, ибо полет представляется им на редкость непристойным процессом.

Прухты совершенно уверены, что когда-то давно, «в начале мира», люди умели летать; в те времена совокупления совершались почти исключительно в полете, отчего некоторым безумцам приходило в голову, что хорошо бы отыскать в небе обитающих там богов и заняться с ними любовью. После первой же (неудачной, если верить мифам) попытки оскорбленные божества благоразумно лишили своих похотливых детей способности к полетам.

С тех пор Прухты уверены, что их божества решили сделать своими любовниками птиц и насекомых – если уж они позволяют этим тварям летать сколько заблагорассудится. Будучи по природе своей людьми великодушными и благородными, они не завидуют птицам и насекомым и не пытаются свести с ними счеты. Но, наблюдая их полет, Прухты всякий раз испытывают некоторую неловкость вкупе с сильным возбуждением и вприпрыжку отправляются домой, к своим кулеле (это слово может быть с натяжкой переведено как «соебники» и означает некоторое количество любовников обоих полов, которые договорились жить в одном доме и вести общее хозяйство, чтобы не нужно было бегать по селению в поисках друг друга всякий раз, когда придет охота совокупиться).

Тинупоеле из Троньскате ни за что не допустят, чтобы

посторонние застали их за домашней работой: это занятие считается в Троньскате крайне непристойным.

Каким образом вышло так, что столь невинные каждодневные занятия как приготовление обеда, мытье посуды, или стирка стали казаться Тинупоеле верхом неприличия – неизвестно. Если верить их историческим хроникам, народным сказкам и легендам, это обычай столь древний, что обнаружить какие-либо сведения о его зарождении уже невозможно.

Забавно, что при этом Тинупоеле вовсе не погрязают в отбросах и нечистотах, как можно было бы подумать. Напротив, их жилища всегда в идеальном порядке, одежда свежа, а посуда сверкает чистотой. Особого внимания заслуживают изысканные кулинарные рецепты, которые издаются огромными тиражами под видом медицинских трактатов, где сладкий пирог описывается как «средство от облысения», а суп из рыбьих голов рекомендуется «для избавления от кашля».

Поскольку ведение хозяйства кажется Тинупоеле апофеозом распутного поведения, домашнюю работу супруги или любовники всегда делают вместе, под покровом ночи, завесив окна, чтобы любопытные соседи не увидели, что у них творится. Детей, разумеется, отправляют спать, но они нередко подглядывают за родителями и, таким образом, постепенно обучаются ведению домашнего хозяйства.

Тинупоеле полагают, что порядочная женщина должна сперва переспать с мужчиной, и лишь потом может позволить ему помочь ей вымыть тарелки после совместного ужина. К чести местных любовников, следует сказать, что именно второй пункт программы нередко является конечной целью их флирта.

Лесполайоты, что живут в предгорьях Трангубайле, бывают чрезвычайно смущены, если в их присутствии кто-то начинает петь. Нечего и говорить, что сами они ни за что не станут петь в присутствии посторонних, поскольку пение дуэтом для них – непереносимая (и, возможно, самая важная) часть любовной игры. Пение хором представляется им чем-то вроде свального греха, а сольное пение при посторонних – вопиющим примером самого бесстыдного эксгибиционизма.

Путешествуя по миру, Лесполайоты охотно посещают концерты; их всегда можно узнать по стыдливому румянцу и возбужденному блеску в глазах. Возвращаясь домой, они со смущением и гордостью хвастают своими концертными «подвигами» ближайшим друзьям – в точности так же мужчины других культур бравируют друг перед другом визитами в заграничные бордели.

Жители **Ларника** полагают, что нет предмета непристойнее, чем обычная сумка, или, скажем, мешок. Вкладывая в сумку какой-либо предмет, или вынимая его оттуда, человек

воспроизводит уродливую пародию на любовный акт, полагают ларникийцы.

Ридикюль, рюкзак и портфель наверняка показались бы столь же неприличными предметами – если бы им довелось их увидеть. Однако мало кто из жителей Ларника может похвастаться таким опытом.

Следует отметить, что Ларник издревле считается открытым и вполне гостеприимным местом (насколько города-государства с присущим им специфическим «крепостным» менталитетом вообще могут быть открытыми и гостеприимными). Однако у приезжих сумки отбирают еще на границе, вежливо, но безапелляционно объясняя, что никому не будет позволено оскорблять столь непристойным зрелищем взоры законопослушных граждан Ларника.

Сумки и упакованный в них багаж можно оставить в пограничной камере хранения, а на обратном пути получить их назад в целости и сохранности. Для ручной клади, без которой путешественник не может обойтись, ему выдают одноколесную тачку подходящего размера. Тачки эти довольно удобны в обращении – если, конечно, заранее смириться с необходимостью повсюду таскать ее за собой.

Известен случай, когда сумку изъяли у верховного правителя соседствующего с Ларником государства Кифиар, и ма-

гистрату Ларника пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы официальный визит дружественного властелина не закончился кровопролитной войной.

Если верить сообщениям многочисленных хроникеров, владыка счел особым оскорблением не изъятие сумки, а именно предложение воспользоваться тачкой для личных вещей. Пожалуй, в глазах человека, который привык перемещаться в пространстве, возлегая в паланкине из соломы и бархата, простодушное гостеприимство ларникийских пограничников действительно смахивало на изощренное издевательство.

Бекши из Гулуны ни за что не станут открыто любоваться закатом или рассветом, поскольку это зрелище считается у них крайне неприличным. Они никак не объясняют свое предвзятое отношение к этим природным явлениям: для Бекши непристойность происходящего на небе совершенно очевидна и в комментариях не нуждается.

Весь жизненный уклад Бекши устроен таким образом, чтобы в часы восхода и захода солнца люди могли находиться в закрытом помещении: учеба, торговля и работа государственных учреждений начинаются и заканчиваются в разные часы, в зависимости от времени года, чтобы людям ни в коем случае не пришлось добираться из одного места в другое в

«неприличное время».

Разумеется, вышесказанное вовсе не означает, будто Бекши никогда не видят ни закатов, ни рассветов. Более того, в отличие от прочих, они любят этим зрелищем ежедневно, тайком подсматривая за пламенеющим солнцем из-за задернутых занавесок.

Описать невозможно, что творится с жителем **Булугалы**, если показать ему рыбу! Он и побледнеет, и покраснеет, и захихикает тоненько, как дитя, и лицо руками закроет и, скорее всего, убежит, не в силах оставаться в вашем обществе после свершившейся непристойности.

Особенно удивительно при этом, что Булугала стоит всего в нескольких ебрах от морского побережья и рыба могла бы стать самым обычным блюдом на столах горожан. Однако это не так: сами булугальцы, разумеется, не рыбачат (кроме, разве что, подростков, которые с энтузиазмом юности общаются к разного рода непристойностям и бывают жестоко наказаны, если им взбредет в голову принести свою добычу в дом).

Впрочем, жители рыбацких поселков, коих великое множество на побережье, давно приспособились продавать булугальцам свой улов: они перемалывают пойманную рыбу, добавляют в фарш специи, перебивающие рыбный запах и

успешно торгуют этой пастой, до которой стыдливые жители Булугалы большие охотники.

Поговаривают также, что некоторые, особо развращенные, булугальцы тайно подкупают рыбаков, чтобы те взяли их с собой на ночной лов. Позже им приходится доплачивать сметливым рыбакам за молчание, поскольку страх быть уличенными в запретных рыбацких удовольствиях и подвергнуться всеобщему осуждению – одно из самых сильных переживаний, доступных этим степенным и благоразумным обывателям.

Историки утверждают, что **Трукки**, которые когда-то основали хрустальный город Олло, а потом были сметены завоевателями, величайшей (и, возможно, единственной) непристойностью полагали долговые обязательства, связывающие людей. И займодавец, и должник – оба, по мнению Трукки, совершали непристойность; за такой проступок могли изгнать из города или (если находились смягчающие обстоятельства) принудить к ношению вуали, скрывающей лицо, чтобы окружающие не были вынуждены «смотреть в бесстыжие глаза распутников».

Деньги, пищу и другие материальные ценности следовало дарить, обменивать или, в крайнем случае, красть. Наказание за кражу было более суровым, но куда менее позорным: пострадавшему разрешали провести час в доме вора, испор-

тить все, что захочется и вынести все, что понравится. Это считалось большим ущербом, но куда меньшим несчастьем, чем изгнание, или ношение «позорной» вуали.

Единственная ситуация, в которой деньги разрешалось и даже надлежало давать в долг – заключение любовного союза. Причем заем мог быть как символическим, так и настоящим: один из любовников был волен одолжить другому крупную сумму под солидные проценты – если была в том нужда. Поэтому нередко случалось, что люди, не испытывающие друг к другу страсти, были вынуждены разделить ложе, чтобы узаконить обоюдовыгодную финансовую сделку.

Квиглы, живущие в долине Нукры, полагают, что праздность непристойна. Состояние телесного покоя они почитают развратом и порицают; при этом любопытно отметить, что половые сношения Квиглы классифицируют как трудовую деятельность и всячески поощряют беспорядочные связи: «все лучше, чем вовсе без дела сидеть!»

Поэтому у Квиглов столь популярно вязание крючком: им можно заниматься на ходу, во время дружеского застолья и даже в постели: обычно Квигл вяжет, пока не заснет, и рукоделие выскользнет из его рук. Первое же, что он сделает пробудившись – отыщет среди одеял крючок и нитки, дабы никто не посмел сказать, что он бездельничает во время омо-

вения, в уборной и за завтраком.

Только бобыли, живущие в уединении, могут позволить себе как следует расслабиться и побездельничать, запершись дома. Люди семейные, постоянно окруженные наблюдателями, об этом догадываются и завидуют холостякам, проклиная тот день, когда обзавелись семьей и обрекли себя на вечное вязание.

Тримские Гваллы бывают чрезвычайно смущены (и в то же время обрадованы), когда им доводится увидеть схему или чертеж какого-либо механизма. Им кажется, что разглядывая чертеж, человек насильственно проникает «во внутренности вещи», как бы обнажает ее, безвольную и беспомощную.

Поэтому, с точки зрения Гвалла, чертеж – это что вроде эротической (если не порнографической) картинки: разглядывать его интересно и поучительно, но неловко делать это при посторонних. Гвалл непременно постарается заполнить рискованную картинку, спрячет ее за пазуху и унесет домой, где будет часами созерцать волнующее его фантазию изображение. Никакой прикладной ценности, с точки зрения Гваллов, чертеж не имеет, поскольку сами они не способны воспользоваться схемой, чтобы изготовить даже простенькое изделие.

При этом все Гваллы – умелые ремесленники, их изделия пользуются большим спросом, хотя заказчику обычно быва-

ет нелегко объяснить гвалльскому мастеровому, что от него требуется. А если уставший от препирательств клиент попробует изобразить будущее изделие на бумаге, Гвалл будет чрезвычайно смущен, как уже говорилось выше.

Легенды рассказывают, что **Криксы из Гдлони** считали крайне непристойным сам процесс органической жизни. Дело доходило до того, что всякий достигший совершеннолетия Крикс норовил наложить на себя руки, чтобы положить конец бесстыдству бытия.

Испокон веков обычаи племени требовали, чтобы никто не смел умирать прежде, чем породит и выкормит хотя бы двоих потомков. Однако после легендарного восстания Скорли, сражавшегося за священное право стыдливого человека умереть, когда вздумается, законы были переписаны. Спустя столетие зеркальные города Криксов окончательно опустели, ибо все они сочли своим долгом соблюсти благопристойность и отгородиться от мирского срама толстым слоем каменистой гдлоньской почвы.

Странные сказки

Сказка про Маленького Динозавра

И. С., который любит истории про динозавров

Давным-давно...

Нет. Не просто давным-давно, а так давно, что скорее никогда, чем когда-то, жил-был Маленький Динозавр.

То есть сначала он не жил и не был. Сначала его вовсе не было. А потом Маленький Динозавр вдруг взял да и появился. Не родился, как, скажем, щенок, или котенок, а вылупился из яйца. Динозавры – они ведь вылупливаются из яиц, совсем как цыплята. А ты и не знал?

Ну, не страшно. Мне, в общем, тоже совсем недавно про это рассказали. Раньше в голову не приходило. Зато теперь будем знать.

Надо сказать, что наш Маленький Динозавр вылупился не в самый подходящий момент. Он умудрился покинуть яйцо аккурат в Конце Времен. То есть не всех времен вообще, а в конце динозавровых времен. Динозавры в ту пору как раз собрались вымирать – ну и времена их, соответственно, в связи с этим подошли к концу. А наши, человеческие време-

на тогда еще и не думали начинаться. Скажу больше: динозаврам такая глупость, как люди, хотя бы даже и троглодиты пещерные, вообще в голову прийти не могла. Если бы кто-то стал им рассказывать про людей, они бы, пожалуй, забыли на время о необходимости вымирать, и принялись бы хохотать, уперев хвосты в бока. А хохот динозавров, это, скажу вам, не шуточки. От такого дела гигантские хвосты гнутся к земле, птеродактили сбиваются с намеченного курса и улетают на край света, а из океана выползают моллюски, чтобы посмотреть, что стряслось: уж не упал ли на Землю очередной метеорит? Ан нет, это просто динозавры веселятся. Бывает, ага.

Ну и вот.

Мама и папа Маленького Динозавра были Печальные Динозавры. Имен у них не было: когда динозавры узнали, что живут в Конце Времен, они так опечалились, что и думать забыли про имена. Вымирать – дело серьезное, тут на всякую ерунду отвлекаться не следует, – так они думали. Большие существа вообще отличаются серьезностью и основательностью: чем больше, тем серьезнее. А динозавры, как известно, были большие звери. Некоторые размером с трехэтажный дом, некоторые – с пятиэтажный, а некоторые еще больше. Таких огромных зверей никогда больше не было на Земле. Разве что киты, но они, строго говоря, живут не на земле,

а вовсе даже в океане. А значит, не считается.

Поэтому я и говорю, что Маленький Динозавр вылупился из яйца совсем невовремя. Если бы он сделал это, скажем, на полмиллиона лет раньше, все было бы здорово: жизнь у динозавров в ту пору была веселая: хочешь – папоротники нюхай, хочешь – полетом птеродактиля любуйся, хочешь – сражайся с другими динозаврами. Не жизнь, а просто праздник какой-то.

Но в ту пору, когда родился Маленький Динозавр, взрослые динозавры уже не интересовались ничем, кроме вымирания. Как еще его мама и папа яйцо снести ухитрились – вот загадка. Другие динозавры смотрели на них с изумлением, украдкой крутили хвостами у висков. Дескать, надо же, что учудили. С какой, интересно, стати?.. Но вслух ничего такого не говорили. Динозавры – очень тактичный народ, хоть с виду и не скажешь.

Впрочем, мама и папа Маленького Динозавра сами не очень понимали, что им теперь делать. С одной стороны, Маленького Динозавра надо как-то воспитывать. Учить уму-разуму и прочим полезным вещам. Вот, скажем, все те же полмиллиона лет назад было совершенно ясно, чему нужно учить маленьких динозавров: как охотиться, где пастись, в какие игры играть с друзьями, как дразнить тиранозавров (все остальные динозавры очень их недолюбливали за свар-

ливый нрав и командирские замашки), как устраиваться на ночлег, и какие сны в какое время года следует смотреть. Теперь же, в Конце Времен, все эти знания были малышу без надобности – так, по крайней мере, казалось его родителям и другим взрослым динозаврам. Зачем учиться, если все равно вымирать? Собственно, только этому и стоило теперь учиться: как правильно вымереть, без лишних усилий и дополнительных хлопот, – так думали взрослые.

Поэтому мама и папа быстренко объяснили Маленькому Динозавру, как отличить съедобные хвощи от несъедобных, и оставили его в покое. Ушли на Поляну Печали: грустить и ждать, когда Маленький Динозавр станет достаточно взрослым, чтобы грустить и вымирать вместе с ними. А пока – о чем с ним разговаривать? Правильно, совершенно не о чем.

Поэтому Маленький Динозавр рос, можно сказать, в одиночестве. Других маленьких динозавров вокруг не было: все взрослые решили, что если уж все равно скоро вымирать, то и яйца нести ни к чему. Мама и Папа, конечно, иногда приходили взглянуть, как у него дела, но ненадолго. Они были очень, очень заняты. Такое уж дело печаль: удовольствия от нее никакого, а времени и сил отнимает так много, что на другие дела почти ничего не остается.

Но Маленький Динозавр совсем не скучал. Он быстро привык обходиться без общества других динозавров. Если

честно, без них ему было даже веселее: по крайней мере, никто не слоняется с постной рожей и не пытается разглагольствовать о всяких непонятных, но печальных вещах. То ли дело хвощи и папоротники. С одной стороны, красивые, с другой – вкусные. И к тому же никогда не грустят. Растения вообще не умеют грустить, и это их сильная сторона. Если подружиться с каким-нибудь растением, можно быть уверенным: по крайней мере, один неунывающий приятель у тебя теперь имеется. Запомни это: вдруг пригодится?

Кроме хвощей и папоротников у Маленького Динозавра были и другие товарищи по играм. Например, Ветер. Никогда не знаешь, с какой стороны он сегодня подует. Устраиваясь на ночлег, Маленький Динозавр всякий раз представлял себе, что играет в прятки с Ветром. Сможет ли Ветер найти утром его убежище, или будет без толку продувать все окрестные пещеры? Иногда в этой игре побеждал Ветер, а иногда – Маленький Динозавр. Они были на равных, а это делает всякую игру особенно интересной.

Еще, конечно, был Океан. Играть с ним было даже увлекательнее, чем с Ветром. Каждое утро Маленький Динозавр приходил на берег и играл в чехарду с океанскими волнами: забрызгает? Не забрызгает? Понятно, сколько не уворачивайся, а рано или поздно окажешься мокрым от макушки до кончика хвоста. Но Маленький Динозавр и не возражал против такого умывания. Быть мокрым ему, честно говоря, нравилось даже больше, чем оставаться сухим, а от волн он

уворачивался исключительно ради спортивного интереса. Это было гораздо увлекательнее, чем просто купаться.

Искупавшись, Маленький Динозавр принимался чертить хвостом узоры на песке, или выкладывать мозаики из раковин моллюсков. Он никак не мог решить, какое из этих занятий нравится ему больше. Оба – больше. Не о чем тут спорить.

Океану эти игры тоже очень нравились. Он утихомиривал волны, чтобы дать Маленькому Динозавру закончить работу без помех. И тихонько шептал: «Хорошшшшшо!» Оххххх, хорошшшшшшо!»

Маленькому Динозавру это было очень приятно. Как все начинающие художники, он любил комплименты, особенно искренние. А Океан, как известно, никогда не врет.

Впрочем, в те незапамятные времена врать вообще никто не умел. Это уже потом, гораздо позже, люди придумали, что нужно иногда говорить неправду, чтобы, скажем, не получить дубиной по голове. Ну, так то люди. Что с нас возьмешь...

После обеда Маленький Динозавр обычно забредал на какой-нибудь луг. Укладывался на землю и смотрел на облака. Это было его самое любимое занятие. Смотреть на облака он любил больше, чем прятаться от Ветра и уворачиваться от волн Океана. Больше даже, чем рисовать узоры на песке. Даже добывать обед и сочинять сны казалось ему не столь важ-

ным занятием, как любоваться облаками. Он бы без сожалений отказался от сна, еды и игр, если бы облака потребовали. Но облака не требовали от него никаких жертв. Во-первых, им ничего такого ни от кого не нужно, а во-вторых, облака вряд ли вообще подозревали о существовании Маленького Динозавра. Он, конечно, быстро рос, и уже был размером с двухэтажный домик, но ведь сверху не видно, что делается на земле. Да и не интересно это облакам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.